ХАННА КРАЛЛЬ

ПОРТРЕТ С ПУЛЕЙ В ЧЕЛЮСТИ

И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Я ОТКРЫВАЛА МИР БЛАГОДАРЯ ТАКИМ АВТОРАМ, КАК ХАННА КРАЛЛЬ И РЫШАРД КАПУЩИНСКИЙ.

СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ,

ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

CORPVS

Ханна Кралль

Портрет с пулей в челюсти и другие истории

«Corpus (АСТ)»

2008

УДК 821.162.1-92
ББК 84(4Пол)-44

Кралль Х.

Портрет с пулей в челюсти и другие истории / Х. Кралль — «Corpus (АСТ)», 2008

ISBN 978-5-17-098823-5

Ханна Кралль – знаменитая польская писательница, мастер репортажа, которую Евгений Евтушенко назвал “великой женщиной-скульптором, вылепившей из дыма газовых камер живых людей”. В настоящем издании собрано двадцать текстов, в которых рассказывается о судьбах отдельных людей – жертвы и палача, спасителя и убийцы – во время Второй мировой войны. “Это истории, – писал Рышард Капущинский, – адресованные будущим поколениям”. Ханна Кралль широко известна у себя на родине и за рубежом; ее творчество отмечено многими литературными и журналистскими наградами, такими как награда подпольной “Солидарности” (1985), награда Польского ПЕН-клуба (1990), Большая премия Фонда культуры (1999), орден Ecce Homo (2001), премия “Журналистский лавр” союза польских журналистов (2009), Золотая медаль “Gloria Artis” (2014), премия им. Юлиана Тувима (2014), Литературная премия г. Варшавы (2017).

УДК 821.162.1-92
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-098823-5

© Кралль Х., 2008
© Corpus (АСТ), 2008

Содержание

Вторая мать 7
Эта из Гамбурга 13
Фантомная боль 19
Портрет с пулей в челюсти 34
Мужчина и женщина 45
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Ханна Кралль
Портрет с пулей в челюсти и другие истории

© К. Старосельская, перевод на русский язык, 2017
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
© ООО “Издательство АСТ”, 2017
Издательство CORPUS ®

Вторая мать

1.

Вот что мы знаем наверняка:

девушка была немкой, и звали ее Гретхен;

она жила в маленьком живописном городке на берегу озера неподалеку от Грюнберга (Зелёна-Гура);

городок был занят Красной Армией в январе 1945 года;

в сентябре сорок пятого Гретхен родила дочку, которую назвала Маргарета;

ребенок был плодом насилия, учиненного над Гретхен армией-победительницей;

два года спустя Гретхен родила вторую дочку;

Гретхен со старшей девочкой уехали в Германию;

младшую с собой не взяли;

младшей дочери Гретхен было тогда четыре месяца, и у нее было двустороннее воспаление легких;

ее воспитали бездетные супруги – переселенцы из-за Буга.

Это все, что мы знаем, остальное – домыслы.

2.

Как выглядела Гретхен?

Судя по теперешней фотографии, она была красивая, правда, худенькая, небольшого роста. Ограда, у которой она стоит, судя по ирисам в палисаднике, невысокая, но ей по грудь.

На фотографии – пожилая дама с приятной улыбкой и светлыми волосами; стало быть, Гретхен была блондинкой.

Разве что волосы у пожилой дамы крашеные, но нет, вряд ли, глаза у нее тоже светлые.

Какие были глаза у Гретхен?

Голубые? Серые? Младшая дочка не помнит цвета глаз пожилой дамы, потому что, едва увидев ее, отвела взгляд. Та растерянно ей улыбалась, тогда младшая дочка все-таки посмотрела и уловила в глазах пани Гретхен что-то знакомое, что ей уже доводилось видеть. Соображать, что именно, не хотелось. Она мечтала лишь об одном – пусть первое за тридцать лет свидание с матерью поскорее закончится.

Вернувшись домой, гадала: что такого она заметила в глазах пожилой дамы?

К предположению мужа, что она увидела в них саму себя, собственные серо-зеленые глаза, отнеслась недоверчиво, ей это совсем не понравилось.

3.

Как звали младшую дочь Гретхен?

Отец (тот, что из-за Буга) принес домой сверток, в котором был младенец с воспалением легких, но без свидетельства о рождении.

Забугские родители назвали девочку Тересой.

Она носит это имя по сей день, но как ее зовут по-настоящему?

(ПО-НАСТОЯЩЕМУ? Почему имя, которое дала Гретхен, настоящее, а забугское – ненастоящее?)

Ну, хорошо. Хельга? Хильда? Доротея? Вальтер, ее муж, предлагает: Лотта. Гёте в Германии изучали в школе, но успела ли Гретхен до войны прочитать “Страдания юного Вертера”? После войны точно не могла, после войны были победоносные армии, вылавливание трупов и Маргарета. Мужчин в городке не осталось – погибли или оказались в советском плену. Остались женщины, и первым их занятием, когда фронт ушел, стало вылавливание мертвецов из окрестных рек и озер. Там, где жил Вальтер, будущий зять Гретхен, будущий муж Тересы, трупы плыли по реке Преголя[1]. В окрестностях живописного городка они скопились в озере. Нет, “Страдания” отпадают, так что не Лотта.

А было ли вообще у младшей дочки Гретхен какое-нибудь имя?

Стоило ли давать имя на четыре месяца?

4.

Почему Гретхен оставила дочку в Польше?

Вальтер говорит, что наверняка не по злой воле, а, наоборот, из-за любви и страха.

Вальтер, сын Ульриха и Хильдегарды, брат Зигфрида и Хорста, родился в Вармии[2]. Когда после войны их стали выселять, мать сказала: “Погодите, я посмотрю, как это выглядит” – и пошла на вокзал.

В одном из вагонов переполненного советского поезда она увидела женщину в меховой шубе. Под шубой женщина была совершенно голая; к груди прижимала мертвого ребенка. Протянув ребенка матери Вальтера, она сказала: “Похороните где-нибудь, хоть у насыпи”. Мать Вальтера попятилась и опрометью кинулась к своим детям. Кажется, какие-то люди взяли трупик и похоронили на кладбище, как полагается, хотя женщина повторяла: “Где-нибудь, хоть у насыпи”. Мать Вальтера примчалась домой, крикнула: “Мы отсюда не уедем!” Не снимая платка, достала из подпола остатки самогона и побежала к пану Липскому, который, правда, был довоенным солтысом[3], но умел договариваться с новыми властями.

История Гретхен – заключает Вальтер – могла быть похожей. Переполненные вагоны, голод, мороз – и решение оставить больного ребенка у добрых людей. Решение, продиктованное любовью и отчаянием.

5.

Ей бы очень хотелось именно так думать о пани Гретхен. Что та не могла взять ее с собой. Что был голод, мороз…

6.

Восемнадцать лет она жила в безмятежной уверенности, что ее родители – переселенцы из-за Буга.

Однажды местный поэт, который работал на молокозаводе и читал ей свои стихи, сказал: “А знаешь, ты вовсе не их дочка”.

---

[1] *Преголя* – река, впадающая в Балтийское море, точнее в Калининградский (Вислинский) залив. (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – прим. перев.*)

[2] *Вармия* – историческая область на южном побережье Балтийского моря; с 1871 г. входила в состав Германии; по окончании Второй мировой войны разделена между Польшей и СССР.

[3] *Солтыс* – глава низшей территориальной единицы; избирается сельским сходом.

В те годы в Польше много было беззаботных местных поэтов, любивших не очень красивых девушек и стихи Стахуры[4], и она решила, что это выдумка поэта, зачем-то понадобившаяся ему для своих сочинений. Но на всякий случай спросила у матери: “Правда, что…” – а мать заплакала и сказала: “Гретхен… Ее звали Гретхен…”

Она не задала больше ни одного вопроса – ни тогда, ни позже. Возможно, пощадила мать, а может, по другим, не вполне ясным причинам. В ее жизни, впрочем, ничего не изменилось, разве что появилось ощущение какой-то недоговоренности. Все стало сомнительным, все могло быть чем-то иным, что-то иное означать и происходить совсем иначе.

Она бросила местного поэта.

Уехала из городка.

Закончила институт, вышла замуж и родила сына, которого назвала Игорем.

7.

Забугские родители не знали Гретхен – понятно было, что не от нее забугский отец принес домой сверток. Откуда принес, Тереса не знает, не спрашивала. Кто-то ему дал? Сам нашел? Может быть, сверток лежал у кого-то под дверью? Отец был почтальоном, ездил по деревням, ему могли сказать, что есть брошенный ребенок.

Может быть, это сказал пан Яцковский?

Пан Яцковский появился в жизни Тересы одновременно с пани Гретхен, когда ей было уже тридцать лет. Однажды забугская мать вызвала ее, сказав, что кто-то из Германии хочет с ними увидеться.

“Это Гретхен”, – сказала мать.

На следующий день в их городок на немецком автомобиле приехали две немецкие дамы, мать и дочь, обе элегантные, худощавые, с подкрашенными глазами, и старшая быстрым энергичным шагом подошла к забугской матери, медлительной, тучной и ненакрашенной. Что-то сказала. Grüss Gott, zweite Mutter. Они догадались, что́ это значит. “Здравствуй, вторая мать”. Дальше уже ничего не понимали. Все четверо стояли и смотрели друг на дружку, вернее, не четверо, а трое, потому что она старалась на немецких дам не глядеть. Вдруг пани Гретхен посмотрела на нее и улыбнулась. И тут-то она уловила в серо-зеленых глазах пани Гретхен что-то знакомое, что ей в жизни уже доводилось видеть.

На следующий день она поехала к людям, у которых остановились немецкие дамы; было это в деревне, неподалеку от городка.

Посреди залы стоял большой круглый стол, за столом сидели гости и пели немецкие песни.

Ее посадили между пани Гретхен и худой женщиной с морщинистым лицом, черными глазами и длинными темными волосами, заплетенными в косу. Ей сказали, что женщина с косой – акушерка, и она догадалась, что много лет назад та помогала пани Гретхен рожать дочек.

Людям за столом было весело, и они пели все громче.

Пани Гретхен ей что-то сказала, но она не поняла что́, поскольку было шумно, да и говорила пани Гретхен по-немецки.

– Что она говорит? – спросила у акушерки.

– Она говорит, что война – это ужасно, – вполголоса объяснила акушерка.

---

[4] *Эдвард Стахура* (1937–1979) – польский поэт, прозаик, переводчик. Герой его произведений – странник, бродяга, сторонящийся городов и цивилизации; зачастую с ним отождествляли и самого Стахуру, прозванного в Польше Святым Франциском в джинсах.

Пани Гретхен опять что-то сказала, чуть громче, и еще раз, и оказалось, что пани Гретхен повторяет одни и те же три или четыре слова: Krieg ist schrecklich, Krieg ist schrecklich, Krieg ist…

– Война – это ужасно, война – это ужасно, война… – переводила акушерка, хотя Тереса кивнула, что уже понимает.

Вот и все, что сказала пани Гретхен.

Тереса осталась у этих людей ночевать. Ее уложили под перину. Впервые в жизни она лежала под периной, ей было жарко, она открыла окно и увидела лес.

Выскочила из окна и побежала в лес.

В лесу она подумала: “Господи, что я вытворяю, мне тридцать лет, у меня пятилетний сын”, – повернула обратно, влезла через окно в комнату и до подбородка укрылась периной.

8.

Назавтра акушерка сказала, что умер пан Яцковский и что Тересе причитаются какие-то деньги.

Она впервые услышала фамилию Яцковский. Не спросила, кто он был и почему ей что-то от него причитается.

Акушерка пояснила, что это сбережения, которые пан Яцковский копил всю жизнь, их нашли у него под матрасом, и пусть она их себе возьмет.

– Это большие деньги, – переводила акушерка. – Гретхен говорит, что они принадлежат тебе.

– Не хочу никаких денег, – сказала она акушерке. – Пана Яцковского я не знаю. Попрощайтесь за меня с пани Гретхен.

9.

Про пана Яцковского известно немного. Он жил в деревне, бобылем, повесился, после его смерти под матрасом нашли большие деньги. Видимо, в связи с этой смертью пани Гретхен и пожаловала в Польшу.

Тереса не спросила у нее, как звали пана Яцковского. Не знает, чем он занимался при жизни и почему повесился. Не знает, почему пани Гретхен приехала на похороны. Не знает, где он похоронен. Не пробует докопаться, почему ей причитаются его деньги.

10.

Со смерти пана Яцковского прошло двенадцать лет. Пани Гретхен в их жизни больше не появлялась.

Вальтер, Тересин муж, говорит, что это она не со зла, а, наоборот, из деликатности. Чтобы не волновать, не бередить раны, не доводить до слез.

– А никто и не плакал, – поправляет его Тереса.

– Как никто? Мама не плакала?

– Нет. Спокойно поздоровалась, даже улыбалась…

– А ты? Неужели не заплакала? Нехорошо, – укоряет ее муж. – Неправильно. Надо знать, как себя вести в зависимости от ситуации. Появляется пропавшая мать, говорит Grüss Gott, значит, при встрече дочка должна всплакнуть.

– Я плачу, когда моя забугская мама поет виленские песни. “Пошла я на кладбище, к родимой на могилу, над нею залилася горючими слезами…”[5] – вот тут да, тут я заливаюсь слезами, но чтоб от Grüss Gott плакать?

11.

Вальтер говорит, что его жена впала в уныние: сидит и сокрушается. Потому что немка. Потому что не немка. Потому что…

– Одно очевидно, – говорит Вальтер. – Когда все уже из этой Польши уедут: поляки, немцы, евреи, литовцы… Когда останется пустыня, по которой ветер будет носить солому, обрывки газет и остатки духа коллективизма… Когда только два голоса прозвучат в пустоте – Ярузельского и Валенсы… “Есть тут кто?” – будут они кричать, потому что им захочется знать, остался ли кто-нибудь, кем можно управлять, и тогда отзовется тихонечко один-единственный голосок: “Я, я еще тут… Не закрывайте пока…” И это будет голос моей супруги, – заканчивает Вальтер.

12.

Семья Вальтера жила в Восточной Пруссии. Прадеды – в Крулевеце[6], деды и бабки, родители, тетки с детьми – в окрестностях Ольштына, в имении, на берегу Kośna Fluss – реки Косьна. Было еще Kośno Zee – озеро, но они жили над Fluss.

Первыми с берегов Косьны уехали три отцовские сестры, которых адмирал Дёниц[7] успел эвакуировать в Данию. Четвертая, младшая из сестер, Фрида с двухлетним сыном попала в Крулевец.

После теток уехал отец. Утопил в проруби винтовку, на последнем поезде добрался до Крулевеца и пошел искать Фриду. Новые жильцы ее квартиры сказали, что Фрида с сыном умерли от голода во время осады. Отец спросил, где их могила, и тут выяснилось, что могилы у Фриды нет, потому что другие голодные разрезали трупы на куски, сварили суп и съели. Это были не русские, – успел рассказать кому-то из родственников отец до того, как солдаты армии-победительницы привязали его к двум лошадям, которых погнали в разные стороны. – И не поляки… Тетю Фриду и ее сына сварили и съели местные немцы…

Потом началась депортация в Германию.

Потом – через тридцать лет после войны – в Германию уехал пан Липский, тот самый, благодаря которому мать Вальтера вычеркнули из списка депортируемых, потому что он, хоть и был довоенным солтысом, знал, как найти общий язык с новыми властями.

После пана Липского уехал сын пани Гловинской, их соседки, которая советовала маме Вальтера: “Ты, Хильдя, на польском молись, Матерь Божья по-немецки не понимает…”

После пана Гловинского уехал ксендз, который окрестил бабушку Вальтера, поскольку той во сне явился Бог. Высунулся из-за облака и с ней заговорил. “Mensch, – сказал, ибо, в отличие от Матери Божьей, немецкий язык знал: – человече. Будь, человече, католиком…” Бабушка рассказала про этот сон ксендзу Каминскому и умерла, скорее всего, от потрясения, а ксендз посмертно ее соборовал.

---

[5] Перевод М. Л. Михайлова.

[6] *Крулевец* – польское название Кёнигсберга, центра немецкой провинции Восточная Пруссия (1773–1945 гг.); по решению Потсдамской конференции (1945 г.) северная часть Восточной Пруссии была передана СССР; в 1946 г. Кёнигсберг переименован в Калининград.

[7] *Карл Дёниц* (1891–1981) – немецкий военный и государственный деятель, гросс-адмирал, с 1943 г. командующий военно-морским флотом Германии.

После ксендза Каминского уехала вторая бабушка, потому что отыскались отцовские сестры, эвакуированные адмиралом Дёницем. Семидесятилетняя бабушка поехала к своему семидесятишестилетнему мужу, которого не видела тридцать лет. Взяла с собой большущий чемодан с землей со своего огорода; в чистеньком немецком садике выполола розы, высыпала свою землю, посадила картофель и морковь и вздохнула с облегчением: “Наконец-то, бедненький, поешь нормального овощного супу…” Когда муж умер, бабушка насыпала над его могилой холмик, но оказалось, что на немецком кладбище все могилы должны быть плоскими. Администрация кладбища могилу разровняла, но бабушка пришла вечером с тачкой, с собственной землей – той самой, из огорода, – и снова насыпала холмик. Ночью могилу выровняли, а утром бабушка пришла со своей землей… Через пару недель администрация капитулировала, и с тех пор на современном немецком кладбище есть одна-единственная настоящая – потому что с холмиком – варминская могила.

После второй бабушки старший брат Вальтера Зигфрид сказал матери: “Ну, мама…” – и уехал.

После старшего брата уехала мать Вальтера. Соседка, пани Гловинская, та, что ей советовала: “Ты, Хильдя, на польском молись…”, и сотрудники школы, в которой мать, хотя уже вышла на пенсию, продолжала занимать служебную квартиру, говорили ей: “Небось в Германии этой вас не такая квартирка ждет… Ну так что, пани Хильдегарда?”

После матери никто больше не уехал. Хорста, младшего брата, хватил инсульт, а Вальтер должен был обеспечить связью ушедшего в подполье деятеля “Солидарности”, потому что как раз ввели военное положение.

Когда Хорсту стало хуже, Вальтер сказал деятелю: “Извините, но я вынужден на несколько дней выйти из игры…” – и поехал к брату, который лежал без сознания, подключенный к аппаратам. Врачам Вальтер сказал, что считает жизнь без мозга недостойной человека. Похоронив Хорста над рекой Косьна, он вернулся к своему подопечному, который, лишившись связного, его ждал.

Когда деятель вышел из подполья, Вальтер встал в очередь за кухней “Талия”. Он стоял перед мебельным магазином восемь недель, днем и ночью, в стужу и ненастье, а когда кто-нибудь из очереди, сломавшись, вознамеривался уйти, восклицал с возмущением: “Дезертировать? Лишить себя воспоминаний? Эти фанерные ящики, конечно, мигом рассыплются, но гордость за то, что мы выстояли, сохранится в веках!”

Словом, в жизни не блага важны и не быт. В жизни, как учил философ Генрик Эльценберг[8], к трудам которого Вальтер сразу же вернулся, обретя кухонный гарнитур “Талия”, самое важное – дух.

[8] *Генрик Эльценберг* (1887–1967) – польский философ, занимался в основном этикой, эстетикой и историей философии.

Эта из Гамбурга

1.

Жили они далеко отсюда. Обожали светские развлечения – танцевали весь карнавал[9], с первого дня до последнего. Любили лошадей и играли на скачках – разумеется, зная меру. Были хозяйственны и энергичны. Он занимался малярным ремеслом, со временем открыл собственную мастерскую, взял трех учеников. Простейшие работы, вроде покраски стен, поручал подмастерьям, а вывески писал сам, особенно когда в них было много букв. Буквы он обожал; его восхищала их форма. Часами мог рисовать затейливые контуры. Порой супруги горевали, что у них нет детей, но быстро утешались: у него была она, а у нее – он.

2.

Тридцатилетний рубеж они перешагнули перед самым началом войны.

С войной их образ жизни не изменился, разве что танцевать перестали, а в мастерской появились новые слова. Теперь им заказывали запретительные объявления. Вначале на польском: UWAGA, ZAKAZ WJAZDU! Потом на русском: ВНИМАНИЕ, ВЪЕЗД ЗАПРЕЩЕН! Потом на немецком: ACHTUNG, EINTRITT VERBOTEN!

Однажды, зимним вечером сорок третьего года, он вернулся домой с незнакомой женщиной.

– Она – еврейка, мы должны ей помочь.

Жена спросила, не видел ли их кто-нибудь в подъезде, и быстро приготовила несколько бутербродов.

Еврейка была миниатюрная, с черными курчавыми волосами, очень типичная, несмотря на голубые глаза. Ее поместили в комнате со шкафом. (Шкафы и евреи… Возможно, один из важнейших символов нашего столетия. Жизнь в шкафу… Человек в шкафу… В середине двадцатого века. В центре Европы.)

Еврейка пряталась в шкаф при каждом звонке в дверь, а поскольку хозяева по-прежнему были очень общительны, сидела там часами. К счастью, ума ей хватало. Ни разу не кашлянула, из шкафа не доносилось ни малейшего шороха.

Первой еврейка никогда не заговаривала, а на вопросы отвечала очень коротко.

“Да, был”.

“Адвокат”.

“В Белжеце”[10].

“Не успели, мы поженились перед самой войной”.

“Их забрали. Не знаю, в Яновском[11] или тоже в Белжеце”.

Она не ждала сочувствия. Наоборот, любые его проявления отвергала. “Я живу, – говорила она. – И намерена выжить”.

Она наблюдала за хозяйкой (которую звали Барбара), когда та стирала или стряпала. Пару раз пыталась ей помочь, но делала это раздражающе неумело.

---

[9] *Карнавал* в Польше – время балов, танцев, катания на санях и различных забав – от праздника Богоявления до начала Великого поста.

[10] *Белжец* – нацистский концлагерь и лагерь смерти (1939–1943) вблизи одноименного села к юго-востоку от Люблина; в лагере погибло более 600 тысяч евреев и примерно две тысячи цыган.

[11] Яновский концлагерь и лагерь смерти во Львове (1941–1944); в лагере погибло от 140 до 200 тысяч заключенных.

Наблюдала за хозяином (его звали Ян), когда он, набивая руку, выписывал свои любимые буквы.

– Могли бы потренироваться на чем-нибудь поинтереснее, – как-то заметила она.

– Например?

Она задумалась.

– Хотя бы на этом: “Жил однажды элон ланлер лирон элон ланла бибон бонбон…”

Они впервые услышали, что еврейка смеется, и оба подняли головы.

– С чего это? – спросили с удивлением, а развеселившаяся еврейка продолжала:

– “Жил однажды лирон элон ланлер жил однажды Ланланлер…” Видите, сколько прекрасных букв? – И добавила: – Тувим. “Старофранцузская баллада”.

– Слишком много “л”, – сказал Ян. – Но я могу написать СТАРОФРАНЦУЗСКАЯ, – и склонился над листом бумаги.

– А не могла бы эта еврейка научиться чистить картошку? – спросила у него вечером жена.

– У этой еврейки есть имя, – ответил он. – Зови ее Регина.

Как-то летним днем жена вернулась домой с покупками. В прихожей висел пиджак – муж пришел с работы немного раньше обычного. Дверь в еврейкину комнату была заперта.

Как-то осенним днем муж сказал:

– Регина беременна.

Жена отложила спицы и расправила вязанье. Это был то ли рукав свитера, то ли спинка.

– Послушай, – шепнул муж. – Чтоб тебе, часом, не взбрела в голову какая-нибудь дурь… Ты меня слушаешь?

Она его слушала.

– Учти, если что-нибудь случится… – Он наклонился к жене и прошептал ей прямо в ухо: – Если с ней случится что-нибудь плохое, с тобой случится то же самое. Ты меня поняла?

Она кивнула – она его поняла – и взяла в руки спицы.

Через пару недель она вошла к еврейке в комнату и, ни слова не говоря, забрала с кровати думку. Распорола с одного краю и отсыпала немного перьев. С обеих сторон пришила тесемки. Засунула подушечку под юбку. Тесемки завязала сзади, для верности сколола английскими булавками, а поверх натянула еще одну юбку.

Через месяц подсыпала в думку перьев, а соседкам стала жаловаться, что ее тошнит.

Когда пришло время, разрезала пополам большую подушку…

У еврейки рос живот, а она добавляла подушки и расширяла юбки – той и себе.

Роды приняла надежная акушерка. К счастью, продолжалось это недолго, хотя еврейка была узкой в бедрах, да и во́ды отошли накануне.

Барбара вынула подушку из-под юбки и с младенцем на руках обошла всех соседок. Они растроганно ее целовали. Наконец-то… – говорили. – Поздно, но все же Господь смилостивился… – а она, радостная и гордая, их благодарила.

Двадцать девятого мая сорок четвертого года Барбара и Ян пошли с ребенком и несколькими друзьями в приходскую церковь (“Львовское архиепископство, лат. вероисп., приход Св. Марии Магдалины” – написано в свидетельстве о рождении, на котором ксендз Шогун поставил подпись и овальную печать: Officium Parochia, Leopolis… Посередине печати было сердце, из которого вырывался благодатный огонь). Вечером устроили скромный прием. Из-за комендантского часа сидели до утра.

Еврейка провела в шкафу всю ночь.

Двадцать седьмого июля в город вошли русские.

Двадцать восьмого июля еврейка исчезла.

Они остались втроем: Барбара, Ян и трехмесячная малютка с голубыми глазами и тоненькими черными кудряшками.

3.

Одним из первых эшелонов они приехали в Польшу.

Вошли в квартиру. Ян поставил чемодан, положил ребенка и выбежал из дома.

Назавтра ушел ни свет ни заря…

Кружил по улицам, заглядывал в учреждения, расспрашивал про еврейские квартиры, останавливал людей с еврейской наружностью… Прекратил поиски только после визита двух мужчин – посланцев Регины. Они предложили крупную сумму и попросили вернуть ребенка.

– Наша дочка не продается, – сказали Барбара и Ян и выставили гостей.

Дочка у них была послушная и очень красивая.

Отец ее баловал. Они вместе ходили на стадион, в кино и кондитерские. Дома он рассказывал, как все восхищаются ее красотой, особенно волосами – длинными, до пояса, чудесными локонами.

Когда Хелюсе было шесть лет, начали приходить посылки. Из Гамбурга; отправитель – женщина с незнакомой странной фамилией.

– Это твоя крестная, будь она неладна, – объяснила Барбара, – но ты ей напиши и поблагодари.

Вначале Хелюся диктовала ответы, потом писала сама: *“Спасибо, дорогая тетя, я учусь хорошо, мечтаю о белом джемпере, можно из ангорки, но лучше мохеровый”*.

В очередной посылке был белый джемпер, Хелюся ликовала, а Барбара говорила со вздохом:

– Будь она неладна… если Бог есть, он меня услышит. Садись и пиши письмо. Можешь упомянуть, что к первому причастию пригодилась бы белая тафта.

Иногда в посылках были купюры. Писем никогда никаких; только один раз между плитками шоколада лежала фотография темноволосой женщины в черном платье с переброшенной через плечо лисой.

– Чернобурка, – заметила Барбара. – Она не бедная… – Но хорошенько разглядеть они с дочкой ничего не успели, потому что отец отобрал у них фотографию и спрятал.

Хелюсе отцовские восторги не нравились. Это было мучительно. Она делала уроки или играла с подружками, а он сидел и смотрел на нее. Потом брал ее лицо в ладони и опять смотрел. Потом начинал плакать.

Перестал вычерчивать затейливые буквы.

Начал пить.

Все чаще плакал, все больше пил, пока не умер. Но до того – за пару месяцев до его смерти – Хелюся собралась во Францию. Ей было двадцать пять лет. Ее пригласила подруга – чтобы Хелюся привела в порядок разболтавшиеся из-за недавнего развода нервы. Она пришла домой сияющая, с заграничным паспортом. Отец был пьян. Рассмотрел паспорт и обнял ее.

– Остановись в Германии, – сказал. – Навести мать.

– Крестную мать, – поправила его Барбара.

– Мать, – повторил отец.

– Моя мать сидит рядом со мной и курит сигарету.

– Твоя мать живет в Гамбурге, – сказал отец и разрыдался.

4.

Пересадка была в Аахене.

В Гамбург она приехала в семь утра. Оставила чемодан на вокзале и купила карту города. Подождала в скверике; в девять она уже стояла перед большим домом в тихом фешенебельном районе. Позвонила в дверь.

– Wer ist das? – спросили из-за двери.

– Хелюся.

– Was?

– Хелюся. Открой.

Дверь открылась. На пороге стояла она сама, Хелюся: высоко заколотые черные волосы, голубые глаза, подбородок чуть полноват. Хелюся, только почему-то постаревшая.

– Зачем ты приехала? – спросила.

– Чтобы тебя увидеть.

– Зачем?

– Хотела посмотреть на свою мать.

– Кто тебе сказал?

– Отец.

Прислуга принесла чай. Они сидели в столовой с белой, украшенной мелким цветочным рисунком мебелью.

– Это правда, я тебя родила, – сказала мать.

Пришлось. Я была вынуждена на все соглашаться.

Я хотела жить.

Не хочу помнить твоего отца.

Не хочу помнить то время.

И тебя тоже не хочу помнить.

(Она не обращала внимания на то, что Хелюся все громче плачет, и без конца повторяла одно и то же.)

– Я боялась.

Я должна была выжить.

Ты напоминаешь мне о страхе.

Я не хочу помнить.

Никогда больше сюда не приходи.

5.

Хелюся второй раз вышла замуж, за австрийца. Спокойного, скучноватого владельца маленькой гостиницы в горах под Инсбруком.

В годовщину смерти отца Хелюся приехала в Польшу. Они с матерью пошли на кладбище (матерью она называла Барбару, а про женщину, которая ее родила, говорила: *Эта из Гамбурга*). За чаем Барбара сказала:

– Когда я умру, ты все найдешь на кухне, в ящике, где крышки.

Хелюся сердито отмахнулась, а потом призналась, что беременна и немного боится рожать.

– Нечего тут бояться! – воскликнула Барбара. – Я была старше, чем ты, и еще худее, и во́ды у меня отошли слишком рано, а родила тебя очень легко.

Хелюся испугалась, но Барбара вела себя совершенно нормально.

– Сообщить *Этой из Гамбурга*, когда родится ребенок?

– Как хочешь… Эта женщина сделала мне много плохого, но ты поступай как хочешь.

“О Боже, – задумалась Барбара. – Какие мы без нее были счастливые. Какие веселые. Если бы не она, были бы счастливы до конца жизни…”

“Если бы не она, меня бы не было”, – подумала Хелюся, но не смогла этого сказать матери, которая родила ее очень легко, хотя была старше и худее.

6.

В ящике, который Хелюся открыла после похорон Барбары, под крышками от кастрюль лежали два больших конверта. В одном была пачка купюр по сто марок. В другом – тетрадка, разделенная на две графы: “Дата” и “Сумма”. Барбара откладывала и записывала каждую полученную из Гамбурга купюру.

Хелюся купила на эти деньги две длинные чернобурки. Сшила к ним черное платье, но оказалось, что мех плохо выделан, лезет и вообще к черному не подходит.

7.

Через несколько месяцев после свадьбы она рассказала мужу о своих двух матерях. Немецкого Хелюся еще не знала. Как будет шкаф, знала: Schrank. Подушка – Kissen; это она тоже знала. Прятать – нашла в словаре: verstecken. Страх – тоже в словаре: Angst.

Когда рассказывала во второй раз – двадцатилетнему сыну, – она знала уже все слова. И тем не менее не смогла ответить на простые вопросы: “почему бабушка Барбара не бросила дедушку? почему бабушка Регина убежала без тебя? бабушка Регина тебя совсем не любит?”

– Не знаю, – повторяла Хелюся, – откуда мне все это знать?

– Возьми словарь, – посоветовал сын.

8.

Через двадцать лет после первого разговора *Эта из Гамбурга* пригласила к себе Хелюсю на пару дней. Показала ей старые фотографии. Играла на рояле мазурки Шопена.

– Из-за войны я не закончила консерваторию, – сказала со вздохом.

Читала наизусть Тувима. Рассказывала о мужчинах. После войны у нее было два мужа, которые обожали ее. Детей у нее не было, но оба мужа ее обожали.

– А как твой муж? – спросила.

Хелюся призналась, что ее второй брак на грани распада.

– Это потому, что он купил несколько гостиниц… Не ночует дома… Сказал, чтобы я устраивала себе новую жизнь…

Она говорила не как с *Этой из Гамбурга*, а как с матерью, но *Эта из Гамбурга* испугалась:

– На меня не рассчитывай. Каждый должен выживать сам. Нужно уметь выживать. Я сумела, и ты должна…

– Ты выжила благодаря моим родителям, – напомнила Хелюся.

– Благодаря твоей матери, – поправила ее *Эта из Гамбурга*. – Правда, только благодаря ей. Достаточно было открыть дверь и пройти несколько шагов. Полицейский участок был напротив, на той же улице. Поразительно, что она не открыла дверь. Я удивлялась, почему она этого не делает. Она тебе что-нибудь про меня говорила?

– Говорила, что если б не ты…

– Я была вынуждена. Я хотела жить.

Ее бросило в дрожь. Она повторяла – все громче, все быстрее – одно и то же:

– Я боялась. Я была вынуждена. Я хотела. Не приходи сюда…

9.

– Чего вы, собственно, хотите? – спросил адвокат, к которому она пошла, вернувшись из Гамбурга. – Вам что нужно: ее любовь или ее деньги? Если любовь, то моя канцелярия этим не занимается. А если речь идет об имуществе, дело ничуть не проще. Прежде всего нужно доказать, что она ваша мать. У вас есть свидетели? Нет? Вот видите. Надо было записать заявление Барбары С. Надо было заверить его у нотариуса. На данный момент остается только исследование крови… Вы твердо решили подавать в суд? А зачем тогда пришли в адвокатскую контору?

10.

– Так ты чья вообще-то? И кто ты? – спросил у нее сын.

– Я твоя мать, – ответила она, хотя ради эффектного финала лучше бы сказала: “Я та, которая выжила”.

Но так отвечают только в современных американских романах.

Фантомная боль

1.

Прабабушкой Акселя фон дем Бусше была графиня Козель. Кто прадедушка, не совсем ясно. По одной версии – Август II Сильный, польский король и курфюрст Саксонии. По другой – польский еврей, раввин, который из-за конфликта с другими раввинами покинул родные края и поселился в Германии.

В роду Акселя фон дем Б. обе версии – и с королем, и с раввином – существуют две с половиной сотни лет.

2.

У нее были пышные черные как смоль волосы, необычайно выразительные глаза, мраморно-белая кожа и маленький ротик. Так изображали Анну Козель мемуаристы, живописцы и Юзеф Игнаций Крашевский[12].

Август пообещал ей, что она будет королевой. Обещания он не сдержал – через несколько лет бросил ее и приказал сослать в замок Штольпен. Узилищем стала башня замка, где Анна пребывала до самой смерти (с какого-то момента добровольно).

Излюбленным чтением графини в заточении были древнееврейские книги. Так написал Крашевский. Она окружала себя евреями. Религиозные трактаты переводил ей ориенталист, пастор. Она щедро ему платила. Поначалу передавала деньги через надежного посланца, потом они стали встречаться и вели долгие беседы о Талмуде и иудейской религии. Конец беседам положила жена пастора, приревновавшая мужа к графине, которая и в свои шестьдесят лет сохранила былую красоту.

3.

Кто был еврейским любовником Анны Козель?

(Таковой несомненно существовал: как иначе объяснить своеобразное увлечение графини евреями и их религией? И мужчина был весьма незаурядный, это ясно…)

Стало быть: раввин – Польша – конфликт с другими раввинами – отъезд в Германию…

Йонатан Эйбешиц?[13] Этот мудрец?

Родился он в Кракове. Был приглашен в Гамбург – покорить ангела смерти. Женщинам, умирающим при родах, раздавал записки со странной молитвой, с загадочными знаками. Его обвинили в том, что он верит в лжемессию. Он обратился к раввинам в Польше, и Синод четырех земель[14] снял это обвинение. Несмотря на оправдательный вердикт, многие польские раввины – в том числе главный раввин Дубно – предали анафеме Йонатана Э. и его учение.

Соломон Дубно?[15]

---

[12] *Юзеф Игнаций Крашевский* (1812–1887) – польский писатель, публицист.

[13] *Йонатан Эйбешиц* (1690–1764) – выдающийся законоучитель и каббалист.

[14] Синод четырех земель (с середины XVI до половины XVIII в.) – центральный орган автономного еврейского общинного самоуправления в Речи Посполитой.

[15] *Соломон Дубно* (1738–1813) – богослов, толкователь библейских текстов.

Он родился в Дубно, отсюда фамилия; умер в Амстердаме.

Был воспитателем сына Мозеса Мендельсона, философа и теолога (которого считают – наряду с Лессингом – крупнейшей фигурой немецкого Просвещения), и уговорил Мендельсона наново перевести Пятикнижие[16] на немецкий язык. Сам Соломон Дубно написал комментарии к Книге Бытия. Когда он занимался составлением комментариев к Книге Исход, через Берлин проезжал главный раввин города Дубно Нафтали Герц, который раскритиковал берлинских друзей своего земляка и велел тому немедленно изменить окружение. Соломон Д., не закончив работу, покинул Германию и отправился в Амстердам.

Яаков Кранц?[17]

Родился он на Виленщине. Был магидом – странствующим проповедником. С раввинами, правда, не ссорился, но все равно уехал в Германию учиться и дискутировать с тамошними “просветителями”. Германию Кранц бросил ради Дубно, где ему платили шесть злотых в неделю, а потом добавили два и еще починили печь.

(Магида из Дубно спросили: “Почему богач охотнее подает милостыню слепым и хромым беднякам, чем бедным мудрецам?” Тот ответил: “Потому что богач не уверен, не охромеет или не ослепнет ли сам, зато знает, что никогда не станет мудрецом”.)

На портретах у всех троих седые бороды, грустные глаза и рассеянный взгляд. Возможно, потому, что неохотно оторвали взор от раскрытых книг. Однако графиня могла повстречаться с ними раньше, когда бороды у них были черные, а глаза веселее…

Но ни с магидом из Дубно, ни с Соломоном Дубно она не встретилась. Первый родился незадолго до ее кончины, второй – после. А вот Йонатану Эйбешицу, когда графиню заключили в башню, было двадцать шесть лет…

Значит, Йонатан? Да и кто, как не он, обвиненный в ложной вере и преданный анафеме, осмелился бы завести такой роман? С гойкой! С отвергнутой королевской фавориткой!

Есть и другой вариант. Вопреки семейной легенде, прадед Акселя фон дем Б. был вовсе не раввин.

Его прадедом был купец. Скажем, Гершель Исаак. Жил он в Дубно, торговал мехами. Ездил на Лейпцигскую ярмарку. Его сопровождал слуга Михал Шмуэль. Больше мы о нем ничего не знаем, но д-р Рута Саковская, которая переводила мне еврейские тексты и помогала найти еврейского любовника графини Козель, считает, что Гершеля Исаака женили, когда ему было пятнадцать лет, жена нарожала ему кучу детей, растолстела и ходила в парике. Можно ли удивляться, что он потерял голову из-за прекрасной дамы? Разумеется, он был красив: голубые глаза (при черных курчавых волосах это должно было производить неотразимое впечатление), широкая улыбка, ослепительно белые зубы и соболья шуба. Не исключено, что и графине он преподнес соболя… (Не перепутала ли д-р Саковская Гершеля Исаака с Митей Карамазовым?)

Итак, дубенский купец ездил в Саксонию, в Лейпциг, а еврейские купцы, как мы знаем от Крашевского, были частыми гостями в саксонском замке Штольпен. Они привозили товары, газеты, книги; однажды даже пытались помочь графине бежать из башни. Она спустилась по веревочной лестнице, но, не успев далеко отойти, была схвачена караульными.

Происходило это (попытка бегства с помощью евреев) в 1728 году. Так пишет Юзеф Игнаций Крашевский в “Графине Козель”.

И в том же самом, 1728 году купец Гершель Исаак приехал из Дубно на Лейпцигскую ярмарку. Так записано в истории города, которую можно прочитать в “Книге памяти” (“Сефер Зикарон”), изданной в Тель-Авиве… Разве не могло быть, что именно он,

---

[16] *Пятикнижие*, или Тора (так называемый Моисеев Закон) – пять первых книг канонической еврейской и христианской Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

[17] *Яаков Кранц* (Магид из Дубно; 1741–1804) – выдающийся проповедник.

Гершель Исаак, и его неотлучный слуга Михал Шмуэль организовали рискованный побег по веревочной лестнице?

Впрочем, купец или раввин – какая разница? Важно, что прадед Акселя фон дем Б. должен быть родом из Дубно. Ведь Великий Сценарист, который придумывает все эти замысловатые сюжеты, знает, и как они закончатся. В том числе, как закончатся истории города Дубно и Акселя фон дем Б., а стало быть, не смог обойтись без общего пролога для их будущей общей истории.

4.

Дубно находится на Волыни, на высоте сто девяносто один метр над уровнем моря, на реке Иква, притоке Стыри. “Красиво выглядит издалека на мысу, окруженном плавнями Иквы” – написано про Дубно в старом путеводителе. Издавна город был польско-еврейским. И поляки, и евреи обязаны были в равной мере заботиться об исправности мостов и дорог. Евреи мылись в городской бане по четвергам и пятницам, христиане – во вторник и субботу. По большим христианским праздникам еврейские лавки должны быть закрыты, но в праздники менее значительные разрешалось их открывать для бедняков и путников. В 1716 году в Дубно состоялся суд над двумя христианками, девицей и вдовой, принявшими иудейскую веру. Девицу доставили в суд прямо со свадьбы вместе с еврейским женихом, раввином и чиновником, составившим брачный контракт. После шестидесяти ударов плетьми женщины от еврейства не отказались; получив следующие сорок, девица вернулась в лоно христианской Церкви. Обеих приговорили к сожжению, а евреев – к порке у позорного столба и уплате штрафа свечным воском в пользу монастырей, церквей и замка. В 1794 году в Дубно построили синагогу. Владелец города, князь Михал Любомирский, прислал на стройку кирпичи, известь, песок и крепостных крестьян. Когда отмечали торжественную закладку краеугольного камня, он пил с евреями водку и ел медовые пряники, после чего пожелал иудеям успешно молиться Богу, который сотворил небо и землю и в руках которого участь каждого живого существа.

Дубно принадлежал пяти поколениям семьи Любомирских. Михал, тот, что помогал строить синагогу, был генералом, масоном и играл на скрипке. Основал в Дубно масонскую ложу “Совершенная тайна”. Во время ежегодных ярмарок, так называемых “контрактов”, устраивал пышные балы, где ежедневно собиралось до трехсот человек. Юзеф, его сын, был картежник и скупердяй (“из-за своей скупости совсем не благоустраивал Дубно”, как писал мемуарист). Марцелий, его внук, тоже играл в карты, но проигрывал. Бросив дом, уехал с французской актрисой за границу. Он дружил с Циприаном Камилем Норвидом[18], венгерскими повстанцами и французскими социалистами. Брошенная жена предупредила российского царя о покушении – ей было видение. Внебрачный сын стал актером парижского “Одеона”. Последним владельцем Дубно был Юзеф Любомирский. Он был таким же страстным картежником, как отец и дед. Залез в долги. Женился на миллионерше – вдове парфюмерного фабриканта, которая была старше его на десять лет; познакомился он с ней через брачную контору. После женитьбы Юзефа перестал терзать мучительный сон: тридцать лет ему снилось, что он не может выйти из гостиничного номера, так как у него нет денег расплатиться. Умер Юзеф Любомирский в 1911 году, не оставив потомства. Перед смертью он продал Дубно какой-то русской княгине.

В межвоенное двадцатилетие[19] Дубно был поветовым[20] центром Волынского воеводства. Город насчитывал двенадцать тысяч жителей; большинство из них евреи.

---

[18] *Циприан Камиль Норвид* (1821–1883) – польский поэт, драматург, прозаик, живописец.

[19] Межвоенное двадцатилетие (1918–1939) – годы существования независимой Польской Республики (Вторая Речь

5.

Аксель фон дем Б. родился в пасхальное воскресенье 1919 года. Его родной дом стоял на северном склоне одной из гор Гарца. Трехэтажный, с двумя боковыми крыльями, окруженный садом; в ста метрах от парадного входа протекала река Боде. Местные говорили: замок. В семье говорили: дом. Дом они покинули в ноябре 1945-го, собрались за два часа, взять смогли только ручную кладь. Впервые он поехал туда с дочерью и внуками незадолго до объединения Германии. В замке располагалась школа марксизма-ленинизма. Директор чуть не вызвал полицию, потому что через ворота, которых, впрочем, не было, они въехали в сад. Во время второго визита, уже после объединения, полицию не вызывали и им разрешили войти внутрь.

“Вы еще обучаете марксизму-ленинизму?” – спросили они директора.

“Мы перешли на английский язык, – ответил директор. – Знаете что, господин барон? Когда вам уже всё вернут, я охотно арендую у вас помещение и устрою гостиницу. Что скажете?”

Отец Акселя управлял имением и изучал культуру Дальнего Востока. Путешествовал по Японии и Китаю; интересовался историей цивилизации. У них был старый садовник, молоденькие горничные, преданный лакей, застенчивая гувернантка… как положено в замке.

Любимое воспоминание Акселя фон дем Б. – беседы гувернантки со старым лакеем. Каждое утро, ровно в восемь, они встречались на лестнице: гувернантка шла наверх к детям, лакей спускался к отцу. Лакей не имел обыкновения первым здороваться с барышнями, так что они молча расходились, после чего он останавливался, поворачивал голову и говорил: “Фройляйн Кунце. Вы мне сказали “доброе утро” или только подумали, что следовало бы сказать?” Диалог этот повторялся изо дня в день, ровно в восемь утра, в течение восьми или десяти лет.

Потом Аксель и его брат уехали в реальную гимназию. Потом их призвали в армию, они служили в Потсдаме. Потом грянула Вторая мировая война.

6.

“Уголок Дубно, четыре синагоги, вечер пятницы, евреи и еврейки у разрушенных камней – все памятно. Потом вечер, селедка, грустный… – писал Исаак Бабель, который побывал в Дубно в 1920 году с армией Буденного. – …Выгон, поля и заходящее солнце. Синагоги – приземистые старинные зеленые и синие домишки…”

Деревьев было много, в особенности над Иквой. На Икву по вечерам ходили гулять. Летом на лодках отправлялись за город. Зимой вырубали куски льда, запасов хватало до осени. Воду брали круглый год и на водовозных телегах развозили по городу. В сумерки зажигали газовые фонари. По базарным дням в воздухе носилась пыль и запах конского навоза.

Самый красивый почерк в еврейском Дубно был у писаря Йосла. Не хуже и у молодого Пинсаховича, но Йосл был популярнее, и писать прошения ходили только к нему.

Доктор Абрам Гринцвайг (“электросветолечение”), прибывший прямо из Вены, принимал на улице Чисовского, номер телефона 30.

У фотографа Р. Цукера было ателье “Декаданс”.

Посполитая).

[20] *Повет* (повят) – административно-территориальная единица.

У Лейба Сильскера была лошадь и подвода. Он ездил на железнодорожную станцию и привозил почту.

Ножи точил реб Мейер. Он специализировался на мясницких ножах для ритуального забоя.

Кантором в большой синагоге был Рубен Ципринг. Он чудесно пел, а также играл на кларнете в свадебном оркестре. На скрипке играл Эли Стринер, а на рожке – Мендель Качка, бывший солист луцкого военного оркестра. Мендель Качка был столь благочестив, что за четыре года службы в царской армии не прикоснулся к пище из котла, так как она не была кошерной. Оркестр из Дубно играл по всей округе, на еврейских, польских и украинских свадьбах.

Любительский театр поставил пьесу Гольдфадена[21] о Бар Кохбе, вожде восстания иудеев против римлян. Бар Кохбу играл Вольф, жених портнихи Брандли. Он был красивый, и у него был приятный баритон. Роль отца Дины, его возлюбленной, исполнял Лейзер, у которого возле колодца была мастерская жестяных изделий.

Дубно славился превосходной мацой – тоненькой и на редкость хрусткой. Мацу на продажу начинали печь в декабре, сразу после Хануки[22]. Только весной, после Пурима[23], принимались за мацу для себя.

Крупные купцы торговали хмелем и лесом, хмель продавали в Австрию, сосны, дубы и пихты – в Германию.

Много было бедняков. Каждую пятницу для них собирали деньги, чтобы в шабат[24] им не остаться без рыбы и халы.

“Тихий вечер в синагоге, это всегда неотразимо на меня действует, четыре синагожки рядом… – писал Бабель. – <…> Никаких украшений в здании, все бело и гладко до аскетизма, все бесплотно, бескровно, до чудовищных размеров, для того, чтобы уловить, нужно иметь душу еврея. <…> Неужто именно в наше столетие они погибают?”

7.

Аксель фон дем Б. пересек границу Польши вслед за танками Гудериана, в первый день войны. На второй день погиб Генрих, его друг. Было это в Тухольских борах. Солнце уже зашло, темнело, в полумраке он увидел убегающих солдат из взвода Генриха. Они кричали: “Обер-лейтенант убит!” – и бежали дальше. Поляки, привязавшись ремнями к макушкам деревьев, стреляли сверху. Это было неприятно. Ночь провели в лесу.

Аксель фон дем Б. сидел, прислонившись к дереву, держа на коленях голову молодого Квандта, раненного в той же схватке. Его называли “молодой Квандт” в отличие от отца – старого Квандта, владельца крупных текстильных предприятий. Мать молодого Квандта умерла, когда он был еще ребенком, отец женился на девушке по имени Магда. На каникулы они взяли домашнего учителя; звали его Йозеф Геббельс. Когда каникулы закончились, учитель исчез вместе с Магдой. По этой, а может, по каким-либо другим причинам молодой Квандт недолюбливал нацистов.

Лежа головой на коленях Акселя фон дем Б., он говорил, что умирает и что все нацисты – преступники…

---

[21] *Авром Гольдфаден* (1840–1908) – еврейский поэт и драматург.

[22] *Ханука* (ивр. освящение, обновление) – праздник в честь победы еврейских повстанцев Маккавеев над греко-сирийскими завоевателями (164 г. до н. э.), когда был отвоеван и заново освящен Иерусалимский храм. Символом Хануки стал восьмисвечник ханукия, в котором каждый вечер зажигают по одной свече.

[23] *Пурим* – праздник, установленный в память о чудесном спасении евреев, проживавших на территории Персидской империи, от истребления их Аманом, одним из придворных персидского царя Артаксеркса.

[24] *Шабат* (ивр. отдохновение) – день субботний, в который Тора предписывает воздерживаться от любых действий.

– Твои дела не так уж плохи, – пытался его утешить Аксель фон дем Б., но Квандт знал, что дела плохи, и повторял, что все эти нацистские преступники должны кончить так же, как он:

– И как можно быстрее. Чем позже, тем страшнее будет их конец.

Под утро Квандт умер, а Аксель фон дем Б. раздобыл второй револьвер. Ему было двадцать лет, он побывал в своем первом бою и потерял двух друзей. Когда двинулись дальше, в руках у него было по револьверу, и он чувствовал себя увереннее. Его увидел командир полка.

– В нашей семье, – сказал он, – не принято доказывать свою храбрость. МЫ храбрые. – И забрал револьвер, который Аксель держал в левой руке.

Слова “в нашей семье” означали, что Аксель фон дем Б. и командир полка фон унд цу Гильса принадлежат к одной семье – к великой немецкой аристократии.

С этим командиром Аксель фон дем Б. провоевал польскую кампанию и часть русской. Зиму 1940 года они провели во Влоцлавеке. Им сообщили, что гражданская администрация выделила район, куда переселят евреев со всего города; взять с собой разрешено только ручную кладь.

– Безобразие! – возмутился командир. – Какой кретин это придумал! Завтра же поеду в Краков к Франку[25] и все ему расскажу. (Франка он знал со времен Берлинской олимпиады тридцать шестого года, где был комендантом олимпийской деревни.)

Приготовили автомобиль, но за минуту до отъезда адъютант сказал:

– А если никакой не кретин? Если это… немецкая политика?

– Вы так думаете? – заколебался фон унд цу Гильса и приказал отогнать автомобиль в гараж. (Впоследствии его назначили комендантом Дрездена; наутро после бомбардировки города союзниками он был найден мертвым; дочь уверяла, что это не самоубийство.)

В июне 1941 года, двадцать второго числа, на рассвете, в три часа пятнадцать минут, Аксель фон дем Б. пересек границу России.

Он знал, что в России правят большевики. Знал, что там есть лагеря и что Сталин – убийца. Словом, знал, что они борются с коммунизмом и что все в порядке.

(С Польшей тоже все было в порядке. Он считал, что у поляков сдали нервы; они первыми начали; надлежало ответить; все было в порядке.)

Русские встречали их хлебом и цветами. Вскоре пришло разочарование: чужой сукин сын оказался еще хуже своего, родимого.

Именно так сказал Аксель фон дем Б., выступая с докладом в Вашингтоне, в Ротари-клубе[26], вскоре после войны. Кто-то из присутствующих встал и вышел из зала. Аксель фон дем Б. решил, что тот не согласен с его взглядами, но оказалось, это знак протеста против выражения “сукин сын”. В вашингтонском элитарном обществе такие слова не принято было употреблять.

Аксель фон дем Б. шел через Смоленск, дошел до Десны; был шесть раз ранен, всякий раз из госпиталя возвращался на фронт. Осенью 1942 года он находился на Украине. Западнее Днепра, на реке, названия которой не запомнил и которая впадала в другую реку, чье название он тоже забыл.

Город назывался Дубно.

---

[25] *Ганс Михаэль Франк* (1900–1946) – государственный и политический деятель, адвокат, в 1940–1945 гг. генерал-губернатор оккупированной Польши. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни.

[26] *Ротари-клуб* (Rotary International) – общественная организация, объединяющая влиятельных представителей деловых кругов; основана в 1905 г.; имеет более 30 тысяч клубов в 163 странах.

8.

В еврейском Дубно у людей были прозвища. Их употребляли чаще и помнили лучше, чем настоящие фамилии. Говорили: Ида Птичница, Беньямин Усач, Беньямин Столяр, Хеня Гусятница, Залман Рыжий, Залман Черный, Ханьча Полоумная, Хаим Скоробогат, Красный Мотл, Мехл Дылда, Янкель Кугель, Нисл Фельдшер, Шолом Не Дай Бог, Мотл Водовозчик, Черная Бася, Аба Учитель, Ицек Умник, Ицеле Стопка, Эстер Кельнерша, Ашер Цимбалист, Исер Сапожник…

Исер, скорее всего, шил сапоги, Ицеле закладывал за воротник, ну а Шолом? С каким событием связано его “Не Дай Бог”?

А Ханьча Полоумная? У нее были безумные идеи? Или она была бесноватая? А может быть, как помешанная плачущая еврейка из Сохачева, она всем отвечала: “Почему я плачу? Если б вы знали то, что знаю я, вы бы позакрывали свои лавки и плакали вместе со мной…”

Нет тех людей, у которых были прозвища.

Не у кого спросить.

9.

Аксель фон дем Б. служил в Дубно штабным офицером. Командиром полка был Эрнст Уч.

У Акселя фон дем Б. была лошадь. На ней он ездил по окрестностям. (Окрестности были очень красивые: река Иква, дубово-пихтовый лес…) Иногда отправлялся в сторону старого аэродрома.

Однажды он увидел на аэродроме огромную прямоугольную яму. Подумал: наверно, это чтобы помешать приземляться вражеским самолетам. Хотя достаточно было бы любого препятствия на взлетно-посадочной полосе, – и повернул лошадь обратно.

Назавтра командира полка посетил Gebietskommissar[27]. После его ухода Уч сказал, что гебитскомиссару для какой-то акции нужны солдаты: потребуется оцепить весь аэродром. Уч ответил отказом: ему было запрещено вмешиваться в дела гражданской администрации. Некоторое время они с Акселем фон дем Б. гадали, о какой акции шла речь. Они впервые услышали слово Aktion в неясном, загадочном контексте.

Несколько дней спустя Акселю фон дем Б. рассказали, что на аэродроме происходит что-то странное.

Он сел на лошадь.

Увидел знакомый прямоугольный ров.

Перед рвом стояли голые люди – мужчины, женщины, старики и дети.

Стояли гуськом, один за другим, как в любой нормальной очереди – за молоком или за хлебом. Очередь растянулась метров на шестьсот.

На краю рва, свесив ноги, сидел эсэсовец. В руках он держал автомат. Эсэсовец давал знак, и очередь подвигалась. По вырытым в земле ступенькам люди спускались в ров. Ложились рядом друг с другом, лицом вниз. Эсэсовец стрелял. Через минуту давал знак, очередь двигалась. Люди спускались в ров и ложились на тела, уже там лежащие. Раздавалась автоматная очередь, и эсэсовец давал знак. Очередь подвигалась…

Был теплый день, один из тех теплых осенних дней, какие иногда выпадают в октябре.

Светило солнце.

---

[27] *Гебитскомиссар* (нем.) – во время Второй мировой войны официальный титул лица, осуществлявшего административные функции на оккупированных Германией территориях.

Голые женщины несли голых младенцев. Мужчины вели за руку детей и еле державшихся на ногах стариков. Семьи обнимались голыми руками.

Никто не кричал, не плакал, не молился, не просил сжалиться и не пытался бежать. В промежутках между выстрелами царила идеальная тишина.

Эсэсовцев было восемь. Стрелял один. Остальные, видимо, ждали, пока тот устанет.

Аксель фон дем Б. вернулся домой.

Акция на аэродроме продолжалась два дня, расстреляны были три тысячи человек.

Вечером третьего дня Аксель фон дем Б. услышал шаги на лестнице, и кто-то постучал в дверь. Вошел знакомый чиновник из штаба полка. Он сказал:

– Я был в ресторане. Гебитскомиссар устроил ужин для эсэсовцев, участвовавших в Aktion… Рядом с ним сидел этот большой, толстый… Я слышал, что́ он говорил… Он говорил, что они ездят так из города в город… Местные власти все подготавливают: грузовики, оцепление, ров, а они ездят и убивают… Говорил, что сам до сих пор убил тридцать тысяч евреев… Говорил, что за это его повысили, он теперь командир… Ты меня слушаешь?

– Слушаю, – сказал Аксель фон дем Б. – Иди спать.

Чиновник ушел. Аксель фон дем Б. услышал, как скрипят под ногами старые деревянные ступеньки.

Через час ступеньки опять заскрипели, и чиновник постучался в дверь.

– Извини, что мешаю, но я произвел кое-какие арифметические расчеты. Если их восемь и если каждый убьет тридцать тысяч человек, то они могут – за сколько? – за три месяца? за четыре? – они могут убить МИЛЛИОН. Ты меня слушаешь?

– Иди спать, – сказал Аксель фон дем Б.

В ноябре гебитскомиссар опять устроил ужин, на этот раз по случаю Дня всех святых[28]. Он пригласил Эрнста Уча, но командир полка под каким-то предлогом отговорился и послал вместо себя Акселя фон дем Б.

Аксель фон дем Б. сидел рядом с женщиной, чей муж занимался сельским хозяйством на Украине. Спросил, знает ли она об акции. Она знала. А также знала, что уже скоро стрелять не понадобится. Будут автомашины, которые сами все сделают с помощью выхлопных газов.

– Методы должны быть более гуманными, – добавила она.

Аксель фон дем Б. не стал спрашивать, гуманными по отношению к кому – к эсэсовцам или евреям? Он догадывался, что к эсэсовцам, поскольку убивать утомительно.

Он рассказал обо всем командиру полка.

– Стало быть, Адольф Гитлер отнял у нас и честь, – сказал Уч.

Аксель фон дем Б. не стал спрашивать, как обстоит дело с честью у командира полка. Он понимал: после всего того, что они узнали, они будут продолжать жить – нормально, как жили до сих пор. Будут спать, есть, переваривать пищу и дышать. Притворяться перед самими собой, что они не знают. Не будут знать – зная всё.

Три месяца спустя Аксель фон дем Б. решил убить Адольфа Гитлера.

10.

Гетто в Дубно организовали в апреле 1942 года, на пасхальной неделе. Оно занимало улицу Шолом-Алейхема и прилегающие улицы над Иквой. Во время ликвидации гетто люди бросались в реку – глубокую и быструю. Хая Файнблит из Рыбного переулка, которая после замужества четырнадцать лет была бесплодна и впервые родила во время войны, ребенка утопила, а сама приняла яд. Отравились врачи – доктор Ортманова и доктор Каган. Лейзер

[28] День всех святых в католической Церкви – 1 ноября, один из десяти главных праздников.

Вайсбаум повесился. Некоторые пытались спрятаться в прибрежных зарослях, но немцы время от времени поджигали камыши.

В Йом Кипур[29] – Судный день – еще остававшиеся в живых евреи собрались в доме старого Сикулера. Дом стоял на берегу Иквы. Молитвы читал кантор Пинхас Шохет. После молитв люди подходили к нему и говорили: “Реб Пинхас, чтоб нам через год увидеться здоровыми”.

Последних дубенских евреев убили в октябре, в день праздника Торы – Симхат Тора[30].

11.

Три месяца спустя он решил убить…

Чтобы принять решение убить фюрера рейха требуется время. Тем более, когда человеку двадцать три года. Тем более, когда этот человек – офицер, присягнувший на верность фюреру.

Ненависти он не ощущал. Его рассуждения были хладнокровными и простыми. Гитлер – олицетворение мифа. Чтобы победить зло, нужно уничтожить миф.

О своем решении Аксель фон дем Б. сказал другу. Этим другом был Фриц фон Шуленбург[31]. В студенческие годы он интересовался марксизмом, потом связался с национал-социалистами, потом присоединился к единомышленникам Клауса фон Штауфенберга[32], будущего организатора покушения на Гитлера в июле 1944 года. (В ходе суда над участниками покушения прокурор неизменно называл Шуленбурга “преступником” или “негодяем”, когда же один раз обратился к нему: “граф”, тот его перебил: “Негодяй Шуленбург, пожалуйста!”) Шуленбурга повесили в сорок четвертом году. Через полтора года после разговора с Акселем фон дем Б. – когда Аксель сказал другу, что готов убить…

12.

В июне 1943 года полк находился под Ленинградом, в нескольких километрах от Царского Села и вблизи от передовой. Стояли белые ночи, до утра можно было читать, не зажигая света. (“*Пишу, читаю без лампады*”[33], – писал Александр Пушкин, воспитанник Царскосельского лицея.) Был вечер. Небо – цвета снятого молока.

Они сидели в штабе полка – деревянном особняке, одновременно служившем жильем командиру, – и пили кофе. Заваривали кофе горячим советским коньяком, который получали в пайке вместе с сигаретами. Это называлось café diabolique[34]. Командир полка уехал с инспекцией на передовую. Сидели, разговаривали. Ни о чем серьезном – ни о войне, ни о политике. Просто болтали, как оно бывает за чашечкой café diabolique, вечером, когда небо цвета снятого молока.

Вдруг со стула поднялся малыш Бронзарт. Вынул из кобуры револьвер. Прицелился в портрет Гитлера, висящий на стене, и… выстрелил. Попал точно в цель. Трудно сказать,

---

[29] *Йом Кипур* (ивр. день искупления) – в иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов.

[30] *Симхат Тора* – последний день Праздника кущей (Суккот), когда завершается годовой цикл чтения Торы.

[31] *Фриц фон Шуленбург* (1902–1944) – заместитель президента полиции Берлина, участник заговора против Гитлера.

[32] *Клаус фон Штауффенберг* (1907–1944) – полковник вермахта, один из основных участников группы заговорщиков, осуществивших покушение на жизнь Адольфа Гитлера (20 июля 1944 г.).

[33] Здесь и далее курсивом выделены слова и фразы, у автора транслитерированные по-русски.

[34] Кофе по-дьявольски (*фр.*).

почему он это сделал, – они ведь ни о чем серьезном не разговаривали. Видимо, малыш Бронзарт не любил Гитлера, вот и все.

Воцарилась, понятное дело, гробовая тишина. Все смотрели на фюрера с дыркой во лбу и думали об одном и том же: глубоко ли продырявлена деревянная стена под портретом и только ли свои в комнате.

Тишину нарушил Аксель фон дем Б., который спросил Рихарда, полкового адъютанта, нет ли где-нибудь запасного портрета. На что Рихард, младший брат Генриха – того самого, что погиб на второй день войны в Тухольских борах, – ответил, что, к сожалению, на полк полагается один портрет.

Молчание становилось тягостным. И тут отозвался Рихард:

– Думать будем потом. Пока мы еще не поняли, что произошло, пусть каждый сделает то же самое.

Достал револьвер и прицелился в Гитлера.

После него стрелял Аксель фон дем Б.

После Акселя, допустим, Клаузинг или фон Арним…

Что они сделали с простреленным портретом и что повесили на стену, Аксель фон дем Б. не запомнил. Не его была забота: улаживать дела с командиром полка надлежало Рихарду, адъютанту. К счастью, тот обладал редкостным дипломатическим талантом и отлично справлялся с щекотливыми проблемами.

Бронзарт фон Шеллендорф через месяц погиб на Неве.

Фридрих Клаузинг был ранен, его отослали в Берлин. Стал адъютантом Штауффенберга. Повешен в 1944 году.

Эвальд фон Клейст остался жив, но Рихард утверждает, что Клейста тогда с ними не было.

Значит, выжили трое: Аксель фон дем Бусше, Макс фон Арним, сейчас пенсионер, и Рихард фон Вайцзеккер[35], президент Германии.

13.

Осенью 1943 года Фриц фон Шуленбург сообщил Акселю фон дем Б., что заговорщики ищут офицера, который убьет Гитлера во время показа обмундирования. Речь шла о зимних шинелях для Восточного фронта. Прежние, как выяснилось в ходе боев, в российских условиях непригодны. Были разработаны новые образцы, и Аксель фон дем Б. мог бы продемонстрировать их Гитлеру. На показе должны также присутствовать Гиммлер и Геринг. Втроем они после разгрома под Сталинградом появляются редко, так что случай уникальный.

Аксель фон дем Б. как модель подходил идеально.

Он знал Восточный фронт и мог дать Гитлеру необходимые пояснения. Был награжден орденами и боевыми крестами. Был высок, красив и обладал нордической внешностью.

Аксель фон дем Б. сказал Фрицу Шуленбургу, что согласен.

Рихард, как полковой адъютант, выдал ему Marschbefehl[36], пропуск в Берлин.

(Через пятьдесят лет Рихард фон Вайцзеккер сказал, что Аксель фон дем Б. и за него принял решение. После акции на аэродроме никто из них – немецких офицеров в городке Дубно – не мог сказать, что он НЕ ЗНАЕТ. Теперь они уже знали. И по-прежнему передавали подчиненным приказы командования. Сами участвовали в преступлении и втягивали своих солдат.

---

[35] *Рихард фон Вайцзеккер* (1920–2015) – немецкий политик от партии Христианско-демократический союз; в 1984–1994 гг. – федеральный президент Германии.

[36] Командировочное предписание (*нем.*).

Каждый день мы вновь и вновь задавали себе вопрос, что со всем этим делать, – говорил спустя пятьдесят лет Рихард фон Вайцзеккер. Аксель ответил нам. Ответ этот меня не испугал и не удивил. Мы были на фронте, и каждый день мог стать для нас последним. А раз так, почему бы самому не решить, каким будет твой последний день? От гибели Акселя, убившего фюрера рейха, было бы гораздо больше толку, чем от его гибели на Восточном фронте…)

Итак: Рихард выдал пропуск, и Аксель фон дем Б. отправился в Берлин.

Встретился с Штауффенбергом.

У Клауса фон Штауффенберга, тяжело раненного в Африке, не было правой руки, а на левой остались три пальца. Пустую глазницу закрывала черная повязка. Он был решителен, спокоен, невозмутим.

Штауффенберг спросил Акселя фон дем Б., почему тот хочет убить Гитлера.

– Вы знаете, что он делает с евреями? – вопросом на вопрос ответил Аксель фон дем Б. и поправился: – Что МЫ делаем с евреями?

Штауффенберг знал. В свою очередь, он спросил, не испытывает ли Аксель фон дем Б. как протестант сомнений морального свойства. Католики допускают убийство тирана, но ведь и Лютер в одном из своих трудов написал… [37] Он явно заготовил для Акселя фон дем Б., а может, и для себя самого, теологические аргументы.

– Обдумайте все еще раз, – закончил он разговор. – После обеда сообщите мне о своем решении.

После обеда Аксель фон дем Б. сообщил Клаусу Штауффенбергу, что его решение окончательно. Начали обсуждать подробности. Показ обмундирования для Восточного фронта пройдет в Волчьем логове[38], главной ставке Гитлера в Восточной Пруссии. Модели – солдаты, которые ни о чем не будут знать. Взрывчатку Аксель фон дем Б. спрячет под шинелью. Взрывом будут убиты руководители рейха, Аксель и все присутствующие.

В завершение разговора Штауффенберг достал из портфеля небольшой конверт.

– Это приказ, – сказал он. – Вы отдадите его полковнику Л. в ставке. После того, как Гитлер будет убит, приказ доведут до сведения вооруженных сил, всех немцев и всего мира. Можете по дороге его прочитать.

Аксель фон дем Б. приступил к выполнению задания.

Взрывчатый материал он получил от полковника Л. Всё помещалось в небольшом плоском чемоданчике. Кроме мин и динамита там была английская бомба. Превосходная – с бесшумным запалом. Взрыв происходит через десять минут после приведения в действие взрывателя, минуты текут в идеальной тишине. Однако Акселю фон дем Б. не подошла английская бомба. Во-первых, он был с ней незнаком. Во-вторых, десять минут ожидания чужой и собственной смерти – это слишком долго. Аксель отдал бомбу (впоследствии, в июле 1944-го, ее использовал сам Штауффенберг) и попросил обыкновенную ручную гранату, какие были у них на фронте. Граната взрывалась через четыре с половиной секунды. Правда, она шипела, но шипенье можно было заглушить – например, кашлем. У полковника Л. гранаты под рукой не оказалось, и Аксель фон дем Б. поехал в Потсдам, к знакомому, вместе с которым когда-то проходил военную службу. Тот был полунемцем-полуевреем и немецким патриотом. В его жилах текло слишком много еврейской крови, чтобы участвовать в защите отечества (один из первых же нацистских законов запрещал полукровкам защищать отечество на фронтах войны), но недостаточно для того, чтобы быть отправленным в Освенцим или Терезин. В отчаянии от невозможности защищать немецкую родину на фронте он

[37] Мартин Лютер в своей работе “Против убийственных и грабящих орд крестьян” назвал расправу с зачинщиками беспорядков богоугодным делом.

[38] *Волчье логово* – главная ставка фюрера и командный комплекс верховного командования вооруженными силами Германии в лесу Гёрлиц, недалеко от Растенбурга.

вымолил разрешение служить в тылу. Служил в Потсдаме. У него были гранаты. Вопросов он не задавал. Аксель фон дем Б. мог отправиться в ставку Гитлера.

В поезде он достал из-за голенища приказ, который после покушения следовало довести до сведения немцев и всего мира.

“Фюрер мертв” – такова была первая фраза.

Он убит кликой тщеславных офицеров СС…

В сложившейся ситуации армия берет власть в свои руки…

Армейский спальный вагон катил на восток. Аксель фон дем Б. лежал на полке, погрузившись в чтение.

Стало быть, Штауффенберг не собирался говорить немцам правду. Народ продолжал любить Адольфа Гитлера, и ответственность за его гибель надлежало возложить на “клику тщеславных эсэсовцев”.

“Значит, мы настолько слабы… – думал Аксель фон дем Б. – Даже после Сталинграда не можем сказать правду. Даже мы вынуждены начать со лжи…”

Он прибыл на место.

Отдал конверт с приказом.

Отправился в барак для приезжих. Ждал сообщения о начале показа моделей. Вагон с обмундированием уже был на пути в Восточную Пруссию.

Он не знает точно, сколько дней прождал в гостевом бараке, зато знает, сколько ночей. Три ночи. Не спал. Сидел в кресле и подводил итоги.

Когда человеку двадцать четыре года, подведение итогов, пускай даже всей жизни, не отнимает много времени, так что на третью ночь он заснул. На рассвете его вызвал полковник Л. Союзники разбомбили эшелон, в котором был вагон с обмундированием. Обмундирование сгорело, показ не состоится. Акселю фон дем Б. надлежит незамедлительно вернуться на фронт в Россию.

Собирая вещи, он раздумывал, что сделать с минами и гранатой. Оставить чемоданчик в комнате он не мог, зарыть в лесу не успевал. Взял с собой в Россию. Там переложил все в армейский ранец – брезентовый, защитного цвета, который спрятал в офицерский шкафчик.

Три месяца спустя он был ранен. Рана не казалась опасной, но началась гангрена, и ступню ампутировали. Потом ампутировали ногу до середины голени. Потом до колена. Потом всю ногу целиком.

Оперировали его в Берлине, в эсэсовском госпитале.

Проснувшись после наркоза, он увидел белый больничный шкаф. На шкафу стоял брезентовый ранец защитного цвета. На фронте полагалось вслед за ранеными офицерами отправлять в госпиталь их вещи, вот и за Акселем фон дем Б. отправили, не заглянув внутрь, вышеупомянутый ранец.

Семнадцатого июля пришел Фридрих Клаузинг, адъютант Штауффенберга. Сказал, что ЭТО произойдет в ближайшие дни.

Аксель фон дем Б. прислушивался.

В ночь с двадцатого на двадцать первое июля 1944 года он услышал по радио голос Гитлера:

“Я обращаюсь к вам сегодня по двум причинам. Во-первых, чтобы вы услышали мой голос и убедились, что я жив и здоров. Во-вторых, чтобы вы узнали о преступлении, подобного которому не было в истории Германии…”

Аксель фон дем Б. подумал, что надо уничтожить записную книжку с адресами. У него не было ноги, и пойти в уборную он не мог, поэтому всю ночь жевал страничку за страничкой.

Утром явилось гестапо. Допрашивали недолго. У него было алиби: лежал без ноги в эсэсовском госпитале. Над головами гестаповцев, на шкафу стоял брезентовый ранец. Позже

ранец забрал его друг Карл Грёбен, которого из-за парализованной руки не взяли в армию. Он рассказал Акселю о заговорщиках – о тех, кого повесили, о тех, кого отправили в концлагеря, и о тех, кто покончил с собой. Полковнику Л. удалось бежать; кажется, пробравшись через линию фронта, он спрятался у русских… Закончив отчет, Грёбен взял здоровой рукой ранец, удостоверился, что другу он больше не понадобится, и пообещал бросить в ближайший пруд.

14.

“На окраине Дубно были домики с садами, поэтому город утопал в зелени. По весне разливался одуряющий запах сирени, жасмина, акаций и левкоев – у левкоев вообще волшебный запах. А река, пересекающая Дубно, обросла высокими камышами, сколько же там было рыб и водяных птиц. <…>

Холодным ранним утром, не помню, осенью или весной, я услышала необычные звуки. Люди куда-то бежали, и я узнала, что по Икве плывут еврейка с дочкой. Когда они заметили, что народ сбегается и их видят, то спрятались в камышах. Люди смотрели на эту страшную трагедию и все молчали. <…> Кто-то сообщил немцам, те пришли и тоже стали на них смотреть. Еврейки не могли все время сидеть в камышах, надо было двигаться, потому что вода была ледяная, и они то прятались, то выплывали, а когда видели немцев, снова прятались. Немцы взяли лодку и поехали их забирать. <…> Обе были в чем-то белом, наверно, в одних сорочках…”

(Из письма Антонины Х., бывшей жительницы Дубно.)

15.

Вначале Аксель фон дем Б. пользовался протезом, но отрезанная нога невыносимо болела. Такое явление известно медицине и называется фантомная боль. Врач объяснил Акселю фон дем Б., что источник фантомной боли находится в лобных долях мозга и что можно сделать операцию, называемую лоботомией, но пациент отказался.

Он ходит на костылях. Рост у него – метр девяносто три. Из-под пиджака торчит длинная нога. Рядом, между полом и пиджаком, большое пустое пространство. Нога, которой нет, занимает много места. Гораздо больше, чем та, что торчит из-под пиджака, в темной брючине, в элегантном, начищенном до блеска кожаном мокасине.

Костыли у него обычные, алюминиевые, с черными резиновыми наконечниками. Такими же костылями пользуются польские инвалиды, такими же подпираются старые женщины, ждущие трамвая на остановке в Варшаве.

Передвигается он медленно. Взглядом изучает поверхность, долго и тщательно выбирает нужное место – чтоб не круто было и не скользко. Ставит туда костыли и переносит ногу. Останавливается и снова сосредоточенно осматривает поверхность…

Он закончил юридический. Был дипломатом, издателем и директором элитных школ.

Не раз обедал с Теодором Адорно, Голо Манном и Ханной Арендт.

Отпуск проводил с двоюродным братом Клаусом и его женой Беатрикс, королевой Нидерландов.

Женился на англичанке и поселился в Швейцарии. В Германии бывал редко. В пятидесятые годы его вызвали в прокуратуру. Нашли эсэсовцев с аэродрома в Дубно, и прокурор спросил, узна́ет ли Аксель фон дем Б. их в лицо.

– Не узна́ю, – ответил он.

– Как? – удивился прокурор. – Вы были свидетелем убийства евреев в городе Дубно?

– Был.

– Видели лица тех, кто убивал?

– Видел.

– Тогда почему не сможете их узнать?

– Потому что у них были одинаковые лица – гончих псов, – объяснил Аксель фон дем Б. – Вы когда-нибудь видели, как гончие набрасываются на дичь? Могли бы отличить одного пса от другого?

В прошлом году у Акселя фон дем Б. умерла жена. После тридцати пяти лет отсутствия он вернулся в Германию.

Он навестил нескольких знакомых, в том числе полковника Л., того самого, который в Волчьем логове дал ему мины и динамит. После неудавшегося покушения Штауффенберга полковник Л. бежал к русским. Лет пятнадцать в общей сложности провел в одиночной камере на Лубянке и в сибирских лагерях. Вернулся, живет в маленьком деревенском доме в Нижней Саксонии. Акселя фон дем Б. принял любезно. Один только раз вышел из себя, когда гость назвал его полковником. “Перед вами коронованный принц! – воскликнул. – Вы что, не знаете, как обращаться к монарху?!”

Оказывается, полковник Л. вернулся из советских лагерей коронованным прусским принцем. В остальном он вел себя нормально.

Аксель фон дем Б. поселился у своих детей в старом замке. Покои там сумрачные и холодные. На стенах висят зеркала и картины в тяжелых позолоченных рамах. На гобеленах изображены охотничьи сцены. Полы скрипят ночи напролет. Это не дает покоя призрак предка, который растратил полковую кассу и был казнен, а сейчас бродит по коридорам, держа под мышкой окровавленную голову. Лестницы в замке крутые, поэтому Аксель фон дем Б. выбрал маленькую комнату на первом этаже. В ней помещается кровать, столик с чашкой и электроплиткой, немного книг и два костыля.

Иногда приезжает немецкий или зарубежный историк, пишущий очередную книгу о сопротивлении в Третьем рейхе.

Иногда звонит Рихард, брат Генриха фон Вайцзеккера, бывший адъютант их полка. Они говорят о жизни. Или о Томасе Манне. Или о событиях, которые уже никому, кроме них, не кажутся ни забавными, ни значительными.

Разговоры даются Акселю фон дем Б. всё с бо́льшим трудом. У него случаются депрессии. По непонятным причинам он начал терять вес. Донимает боль, которую умеряют только наркотические препараты. Бог с ним, с диагнозом, но ему бы не хотелось страдать. С другой стороны, утешает мысль, что вся эта канитель скоро закончится.

16.

Писарь Йосл
Молодой Пинсахович
Абрам Гринцвайг, врач
Р. Цукер, фотограф
Лейб Сильскер, почтальон
Реб Мейер, который точил ножи
Рубен Ципринг, кларнетист
Эли Стринер, скрипач
Мендель Качка, трубач
Брандля, портниха
Вольф, жених Брандли
Лейзер, актер и жестянщик
Ида Птичница

Беньямин Усач
Беньямин Столяр
Хеня Гусятница
Залман Рыжий
Залман Черный
Ханьча Полоумная
Хаим Скоробогат
Красный Мотл
Мехл Дылда
Янкель Кугель
Нисл Фельдшер
Шолом Не Дай Бог
Мотл Водовозчик
Черная Бася
Аба Учитель
Ицеле Стопка
Ицек Умник
Эстер Кельнерша
Ашер Цимбалист
Исер Сапожник
Хая Файнблит
Ребенок Хаи Файнблит
Ортманова, врач
Лейзер Вайсбаум
Сикулер, владелец дома над Иквой
Пинхас Шохет, кантор
Женщина в белой сорочке
Дочка женщины в белой сорочке

Забудь меня, как только полной чашей
тебя утешит сень Господних крыл…
Но все ж, пока струится Иква наша,
набухшая от слез… по тем, кто был
душой и сердцем тверд (…)
я до тех пор на их могилах вправе
стоять и петь – суровый, но без гнева[39].

[39] *Юлиуш Словацкий*. “Бенёвский. Песнь восьмая”. Перевод И. Белова.

Портрет с пулей в челюсти

1.

В путь мы отправились чуть свет.

Ехали на восток.

Блатт собирался проверить, не вернулся ли на место преступления Мартин Б.

Давным-давно Мартин Б. велел убить трех человек. Один лежит зарытый в овине Мартина Б. Второй лежит в лесу Мартина Б. (овин и лес находятся в деревне Пшилесье). Третий, который должен был погибнуть, – Блатт. Предназначавшаяся ему пуля уже пятьдесят лет сидит у него в челюсти.

Блатт приезжает из Калифорнии. В Польше он был раз тридцать, а то и больше. Каждый раз ездил на восток, в Пшилесье. Проверял, там ли Мартин Б. Мартина Б. в деревне не оказывалось, и Блатт возвращался в Калифорнию.

2.

Его путь – всегда одни и те же пятьсот километров, поэтому он брал автомобиль напрокат или покупал подержанный. Потом машину у него крали, а иногда он ее разбивал или оставлял кому-нибудь в подарок. Обычно это был “малюх”[40] либо старый “фиат” – Блатт не любил привлекать к себе внимание. (Можете звать меня Томек, сказал он в первый же день. А если хотите, Тойвеле, как меня звали в детстве. Или Томас, как написано в американском паспорте. Но я, несмотря на столько вариантов, мысленно называла его Блатт.)

Мы ехали на восток.

Солнце проникало в машину сквозь переднее стекло. При ярком свете видно, что виски у Блатта совершенно седые, хотя надо лбом волосы темно-рыжие. Я спросила, красит ли он их. Он объяснил, что это не краска, а специальная жидкость. Утром, причесываясь, достаточно капнуть чуть-чуть на расческу. Американская, догадалась я. Он кивнул: новейшее изобретение.

Блатт невысокий, но крепко сбитый и сильный. Его легко представить стоящим перед зеркалом: короткая шея, широкая грудь, майка и пузырек новейшего американского средства от седины. Но картина эта не должна вызывать ироническую улыбку. Сила у Блатта прежняя – та же, что когда-то приказала ему выжить. К силе Блатта нужно относиться серьезно. Как и к его любовным похождениям (всегда с блондинками). Послевоенная еврейская любовь должна была быть блондинкой. Только светловолосая арийка олицетворяла лучший, безопасный мир.

Родственник Блатта, Давид Кляйн, до войны жил в Берлине. Он пережил Освенцим, вернулся в Берлин, застал у себя в квартире новых жильцов. Не волнуйтесь, сказали они, всё на своих местах. И действительно, каждая мелочь обнаружилась там, где он ее оставил перед войной. Родственник Блатта женился на их белокурой дочке. Она была военной вдовой офицера СС. Давид Кляйн воспитывал их сына. Когда жена влюбилась в более молодого, Давид умер от разрыва сердца. (В Берлине я позвонила дочке Кляйна. Трубку взял ее муж. Я сказала ему, что хочу поговорить о Давиде Кляйне, который пережил Освенцим. И услышала, как тот кричит своей жене, дочери Давида: твой отец пережил Освенцим?)

---

[40] *“Малыш”* (*пол.*) – так называли польский “Фиат 126”.

Сташек Шмайзнер, ювелир из Собибора[41], эмигрировал в Рио. Женился, правда, не на арийке, зато на Мисс Бразилии. Они расстались. Сташек уехал в джунгли писать книгу о Собиборе. Когда закончил, умер от разрыва сердца.

Герш Цукерман, сын повара из Собибора, уехал в Германию. Арийская жена его бросила, и Цукерман повесился.

И так далее.

Блатт все еще пишет свою книгу.

Мы ехали на восток.

Блатт хотел проверить, вернулся ли Мартин Б. в деревню Пшилесье.

3.

Мы проезжали бывшие еврейские местечки: Гарволин, Лопенник, Красныстав, Избицу. Штукатурка на стенах выцветшая, с грязными потеками. Деревянные одноэтажные домишки вросли в землю. Интересно, живет ли в них кто-нибудь. Наверно, живет: на окнах горшки с геранью, обернутые белой гофрированной бумагой. Кое-где подоконники выстланы ватой. На ней серебрится мишура – лежит, должно быть, еще с Рождества. Двери закусочных открыты. У входа пьют пиво мужчины в серых ватниках. Видимо, внутри нет свободных мест. На пустых участках между домами торчат остатки стен. Из-под разбитых кирпичей прорастает трава. Лицо у местечек дряблое, обвислое, искаженное – то ли от усталости, то ли от страха.

В Избице Блатт захотел мне кое-что показать. Начали со Стоковой улицы. Там из поколения в поколение жили Блатты, а еще тетя Мария Ройтенштайн, которая все слышала через стенку. Тойвеле, говорила она, признайся, твой отец кормит тебя трефным. За это, Тойвеле, ты попадешь в ад. От страха мальчика кинуло в жар. Тебе только восемь лет, успокоила его тетка. После бар-мицвы[42] Господь тебе все простит. Тойвеле подсчитал, что может грешить еще пять лет. К сожалению, война началась до бар-мицвы, Господь ничего ему не простил.

Мы осмотрели рыночную площадь. Вот тут, посередине, стоял Иделе и бил в барабан. Он зачитывал официальные объявления. Последний раз Иделе забарабанил в сентябре тридцать девятого и объявил, что надо заслонять окна от бомб. Он погиб в Белжеце.

На рыночной площади играли бродячие музыканты; они же продавали по пять грошей слова новейших шлягеров. Тойвеле купил “О, Мадагаскар, страна черная, знойная, Африка…”[43].

Самый шикарный дом на рынке принадлежал Юде Помпу, торговцу шелком. У себя в квартире он устроил уборную – первую в Избице. Все ходили проверять, как это: в квартире сортир – и не воняет.

Покончив с рынком, мы переместились на соседние улицы. Начали с дома ненормальной Ривки по прозвищу Который Час. Ривка, который час? – кричали дети. Она отвечала точно, никогда не ошибалась. Из Америки приехал еврей, старый, некрасивый и богатый. Присмотрелся к Ривке. Выяснил, что она дочь покойного раввина. Велел ей причесаться, и они поженились. Жители Избицы вынуждены были признать, что замужняя Ривка оказалась красивой женщиной, абсолютно нормальной. Она родила ребенка. Все трое погибли в Собиборе.

---

[41] *Собибор* – лагерь смерти в Люблинском воеводстве (1942–1943), где было убито около 250 тысяч евреев. В 1943 г. там произошло восстание заключенных – единственное успешное из крупных восстаний в нацистских лагерях.

[42] *Бар-мицва* (ивр. “сын заповеди”) – в иудаизме обряд инициации, означающий, что еврейский мальчик, достигший 13 лет, становится взрослым, то есть ответственным за свои поступки, и обязан исполнять все религиозные заповеди.

[43] Песня, популярная в 1930-х. В те годы правительство Пилсудского рассматривало планы колонизации Мадагаскара.

По соседству жил капитан Линд, доктор. Как же его звали? Какая у него была машина, известно – “опель”, но это был единственный автомобиль в Избице. Первого сентября[44] докторша прибралась в квартире, поменяла постельное белье и, что больше всего понравилось Файге Блатт, матери Тойвеле, накрыла стол чистой скатертью. Потом доктор надел мундир, и они сели в “опель”. Доктор погиб в Катыни[45], докторша неизвестно где.

Одежду Тойвеле и его брату шил портной Фляйшман. У Фляйшманов была одна комната и девять детей. Они сбили из досок такую большую кровать, что на ней помещались все. Под окном стояла швейная машина, а посередине – стол. Но ели за столом только по субботам, в будни на нем гладили. Фляйшманы и их девять детей погибли в Белжеце.

Шойхет[46] Вайнштайн – ритуальный резник. Он целыми днями изучал Талмуд; семью содержала жена, продавая мороженое и содовую воду. Мороженое она крутила в деревянном ушате, который стоял в корыте с солью. Санитарная инспекция не разрешала использовать дешевую неочищенную соль при изготовлении продуктов питания, а покупать более дорогую Вайнштайновой было не по карману, поэтому сыновья, Симха и Янкель, караулили в дверях, не идет ли полицейский. Все погибли в Белжеце.

Дом Буншпановой (по некоторым причинам понадобилось сменить ей фамилию). Она держала лавку с мануфактурой. У нее была светленькая дочка и темненький сын. Сыну она велела остаться дома, а сама с дочкой пошла на вокзал. Мальчик побежал за ними. Пытался залезть в поезд вместе с матерью, но Буншпанова его отталкивала. Отойди, говорила, слушайся маму. Сын послушался. Он погиб в Белжеце, Буншпанова с дочкой пережили войну. Я понял, сказал Блатт, что человек сам себя до конца не знает.

Пивоварня Ройзы Насибирской. Она сбежала из эшелона. Вошла в первый попавшийся дом, за столом сидели люди и читали Священное Писание. Это были свидетели Иеговы. Они сочли, что Ройза послана им Богом. Дали ей Библию и велели обращать людей в их веру. Ройза благополучно дождалась конца войны. Никому в голову не пришло, что по деревням ходит и проповедует еврейка. После войны она хотела и дальше продолжать – из благодарности, но приехал родственник и увез ее в Соединенные Штаты.

Лесопилка Герша Гольдберга. Вокруг лежали аккуратно сложенные штабелями распиленные бревна. Когда в субботу на небе зажигалась первая звезда и шабат заканчивался, все отпивали по глотку вина из общего бокала и говорили друг другу: *гит вох* – хорошей недели. Это служило знаком для молодежи: парни отправлялись с девушками “на чурбаны” к Гольдбергу. Их младшие братья и сестры шли следом – подглядеть, что делается вечером “на чурбанах”. Герш Гольдберг погиб в Белжеце.

Развалюха близ еврейского кладбища. Тут жил Янкель Блатт, родной брат отца Тойвеле. У него было двое детей, он был безработный и коммунист. Когда в сентябре 1939 года город заняли русские, дядя Янкель с энтузиазмом их приветствовал. Теперь будет работа, повторял он, теперь все будет по справедливости. Коммунисты нацепили красные повязки и выдавали русским буржуев – польских и еврейских, а также возвращавшихся после сентябрьской кампании солдат. В числе прочих арестовали Юду Помпа, торговца шелком и владельца дома с уборной. Через две недели русские отступили. Город заняли немцы. Погибли и коммунист Янкель Блатт, и Юда Помп, классовый враг. В Сибири у Помпа шансов выжить было бы намного больше, чем в Собиборе, но русские, к сожалению, не успели сослать избицких буржуев.

---

[44] Первое сентября 1939 года – день начала Второй мировой войны.

[45] *Катынь* – село в Смоленской области, где проводились массовые убийства польских граждан, в основном пленных офицеров польской армии, весной 1940 г. сотрудниками НКВД СССР.

[46] *Шойхет, шохет* (ивр.) – резник в иудейской общине, совершающий ритуальный забой скота и птицы.

Блатт говорил и говорил, в Избице насчитывалось три тысячи евреев, а он не исчерпал и первой сотни. Навестил Малку Лернер, дочку мясника (мы проходили мимо их дома). Малка – стройная, высокая, черная, главная заводила в компании девочек из зажиточных семей, – открыла ему дверь в лазурном халате. Подавая печенье, слегка наклонилась, приоткрыв грудь. Не случайно и не застенчиво, а с нескрываемой гордостью. Ей было двенадцать, а у нее уже росли грудки. Печенье было с маком. На Пурим такие треугольнички с маком, прикрыв белой салфеткой с мережкой, носили соседям. Малка верховодила богатыми девочками, а Эстер – поменьше ростом, тоненькая, светловолосая, – бедными. Эстер была неказиста, но в старости выглядела бы лучше, чем Малка, – признался не очень охотно Блатт. Наверно, боялся, что это будет предательством по отношению к Малке. Эстер не располнела бы и сохранила фигуру, но она не успела состариться. Юзек Бресслер, сын зубного врача, рассказывал в Собиборе, что, когда их туда везли, оказался с Эстер и Малкой в одном вагоне. Посмотри, говорила Малка, мне пятнадцать лет, я никогда не спала с парнем и уже никогда не узнаю, как это бывает. Обе погибли. Юзек Бресслер убежал вместе со всеми, но подорвался на мине.

И уже правда последний дом – бабушки Ханы Суры, урожденной Кляйн, тетки берлинского родственника. Она носила парик. К Блаттам в гости не ходила, потому что отец Тойвеле, Леон Блатт, который в награду за службу в Легионах[47] получил концессию на продажу водки и вина, ел трефное, не соблюдал шабат и был проклят раввином. Курт Энгельс, начальник гестапо, лично надел ему на голову терновый венец из колючей проволоки и повесил на шею табличку: “Я – Христос. Избица – новая столица евреев”. Покатывался со смеху, когда Леон Блатт ходил в своем венце по Избице. Бабушка Хана Сура, Леон Блатт, его жена Файга и Гершль, младший брат Тойвеле, погибли в Собиборе.

А сейчас уже правда последний дом. Заросший бурьяном пустырь с остатками каменной стены – место, где был дом, кожевня Моше Бланка. Тут многие спрятались, когда только начали выселять. Люди чувствовали себя в безопасности, говорили: уж что-что, а кожа немцам всегда будет нужна. Все погибли в Собиборе. Сыновья хозяина войну пережили. Старший, Янкель, до войны учился в знаменитой люблинской ешиве[48]. В укрытии около Курова у него был с собой Талмуд, и он при свете керосиновой лампы продолжал его изучать. Чуть было не проморгал, что война закончилась. Младший, Герш, после войны занялся делами. Был убит неизвестными в Люблине, на Ковальской улице.

Мы повернули на юго-восток.

4.

Бунт в Собиборе, крупнейшее из восстаний в концлагерях, произошел 14 октября 1943 года. Возглавил его Александр Печёрский, заключенный, офицер Красной Армии. Сразу после восстания немцы ликвидировали лагерь.

В Собиборе были мастерские, работавшие на немцев. Четырнадцатого числа в половине четвертого портные сообщили одному из эсэсовцев, что новый мундир готов к примерке. Эсэсовец разделся и отложил в сторону ремень с пистолетом. Портные ударили его топором. Труп спрятали, кровь на полу прикрыли тряпьем и пригласили следующего эсэсовца. Одновременно сапожники сообщали, что готовы сапоги, а столяры – что могут показать что-то из мебели. Убиты были почти все эсэсовцы, которые в тот день несли службу. Разыгрывалось все это в тишине и заняло полтора часа. В пять часов несколько сотен заклю-

[47] *Легионы* – польские формирования в австро-венгерской армии (1914–1918), принимавшие участие в Первой мировой войне; на их основе после войны была создана регулярная армия независимой Польши.

[48] *Ешива* (йешива, ивр.) – еврейское религиозное учебное заведение.

ченных выстроились в колонну. Печёрский крикнул: *За родину, за Сталина, вперед*! Люди побежали к лесу. Многие сразу погибли, подорвавшись на минах. Тойвеле зацепился курткой за колючую проволоку и на минуту застрял. Когда побежал, поле было уже свободно от мин… Американцы снимали фильм “Побег из Собибора”, Блатт был консультантом. Играл его молодой американский актер. Он, как Тойвеле, зацепился за ограждение и, согласно сценарию, пытался освободиться. Блатту показалось, что это продолжается слишком долго. Ему стало страшно. Время идет, а он не убегает из Собибора. Когда актер побежал по полю, Блатт последовал за ним. Эпизод давно сняли, а Блатт все бежал. Его – исцарапанного, в разбитых очках – нашли спустя несколько часов спрятавшимся в лесу.

Одним из уцелевших эсэсовцев был Карл Френцель. Ему не нужны были ни сапоги, ни новый мундир, ни мебель. После войны его приговорили к семи пожизненным срокам заключения. В 1984 году дело пересматривалось. Процесс проходил в Хагене. Блатт выступал свидетелем обвинения. Он отлично помнил Френцеля. Когда они с родителями и братом вышли из вагона в Собиборе, Френцель лично производил селекцию и отправлял людей в газовую камеру. Накануне, еще дома, Тойвеле выпил молоко, предназначенное на несколько дней. Мать сказала: не пей столько, оставь на завтра. Назавтра они стояли на платформе в Собиборе. Видишь, сказал он матери, а ты хотела оставить молоко на сегодня. Это были последние слова, сказанные им матери. Он слышит их пятьдесят лет. Хотел поговорить об этом с психиатром, но некоторые вещи трудно объяснить американским врачам. Френцель послал женщин с детьми налево и с хлыстом в руке подошел к мужчинам. Крикнул: портные, шаг вперед. Тойвеле был маленький, тощий, не выглядел даже на свои пятнадцать лет и не был портным. Никаких шансов уцелеть у него не было. Он смотрел Френцелю в спину. Сказал: я хочу жить. Повторил это несколько раз. Шепотом, но Френцель обернулся. Крикнул: komm raus du kleiner![49] – и отправил Тойвеле к остающимся мужчинам. Блатт рассказал об этом на суде в Хагене.

Френцель давал показания, находясь на свободе. В перерыве он спросил, не согласится ли Блатт с ним поговорить. Они встретились в гостиничном номере. Вы меня помните? – спросил Блатт. Нет, сказал Френцель. Ты тогда был маленький. Блатт поинтересовался, почему Френцель захотел с ним поговорить. Чтобы попросить прощения, сказал Френцель. Оказывается, он хотел попросить прощения за двести пятьдесят тысяч евреев, убитых в газовых камерах Собибора.

5.

Блатт был свидетелем обвинения еще по нескольким делам. В частности, по делу начальника гестапо в Избице Курта Энгельса. Того самого, который надел его отцу на голову терновый венец. Тойвеле чистил ему мотоцикл. Отличная была машина, с коляской и двумя блестящими щитками с обеих сторон. На щитках выгравированы черепа. Энгельс требовал, чтобы черепа были начищены до блеска. Тойвеле часами их надраивал. Отличное было занятие: когда он возился с мотоциклом, ни один немец его не трогал, даже во время облавы. На Энгельса работал еще один еврейский мальчик, Мойшеле. Он был родом из Вены. Ухаживал за садом. Энгельс беседовал с ним о цветоводстве. Мойшеле ему нравился. Ты славный малый, говаривал он. Погибнешь последним, я лично тебя застрелю, чтоб не мучился. На следствии Блатт подтвердил, что гестаповец сдержал слово. После войны Курт Энгельс открыл в Гамбурге кафе. Называлось оно “Кафе Энгельс”. Заведение приглянулось местным евреям, в одном из помещений там устраивала собрания гамбургская еврейская община. В шестидесятые годы Энгельса разоблачили. Блатт выступал свидетелем на про-

[49] Пошел отсюда, малыш! (*нем.*)

цессе. Под конец ему показали пятнадцать мужчин, и прокурор спросил, кто из них обвиняемый. Энгельс улыбнулся. У него до сих пор желтый зуб, сказал Блатт. Надевая отцу терновый венец и хохоча, Энгельс сверкал этим желтым зубом.

После опознания Блатт пошел посмотреть “Кафе Энгельс”. Представился жене владельца. Он сам убивал? – спросила она. – Убивал детей?

На следующий день прокурор допрашивал обоих, Энгельса и Блатта. Вошел судебный служащий: госпожа Энгельс просит уделить ей минутку. Она подошла к мужу, сняла обручальное кольцо, без единого слова отдала ему и ушла.

На следующее утро позвонил прокурор. Курт Энгельс отравился у себя в камере, Блатту незачем приходить на допросы.

6.

Целую ночь шли лесом. Утром Печёрский взял оружие и девятерых самых сильных людей. Сказал, что они идут на разведку, и велел ждать. Оставил одну винтовку – Сташеку Шмайзнеру. В Собиборе Шмайзнер был ювелиром, делал эсэсовцам перстни с монограммами. Винтовку добыл во время бунта.

Печёрский не вернулся. Блатт увиделся с ним через сорок лет в Ростове-на-Дону. Почему ты нас бросил? – спросил Блатт. Как офицер, я был обязан продолжать борьбу, ответил Печёрский. Он нашел партизан. Воевал, остался жив. Собиборские его приглашали, но ему не дали заграничного паспорта; он никогда не выезжал за границу. Жил с женой в *коммунальной квартире*. У них была одна комната. Над кроватью висел большой коврик, который он сам вышил. С изображением собаки. В углу, за простыней, стоял таз для умывания и туалетные принадлежности. Наш бунт был историческим событием, а ты – один из героев этой войны, сказал Блатт. Тебе дали какой-нибудь орден? Александр Печёрский приоткрыл дверь, выглянул в коридор и, закрыв дверь, шепнул: евреев не награждают. Зачем ты выглядываешь? – спросил Блатт. – Вы же в хороших отношениях с соседкой. Всегда лучше проверить, прошептал Печёрский.

7.

Когда стало ясно, что Печёрский не вернется, они разделились на маленькие группы. И разошлись в разные стороны. Тойвеле с Фредеком Костманом и Шмулем Вайценом пошли лесом в сторону Избицы. На следующий вечер увидели деревню. В одном из окошек – это был четвертый дом справа – горел свет. За кухонным столом сидела семья: высокий, очень худой мужчина с льняными волосами, маленькая полная женщина, девочка в возрасте Тойвеле и парень, немного постарше. Над ними висела картина. Там тоже сидели за столом люди, но только одни мужчины. Все в белых одеждах, над каждым золотился нимб. Над тем, что сидел посередине, подняв указательный палец, нимб был самый большой. Мой отец, Леон Блатт, был легионером, сказал Тойвеле. Все эти люди на картине, все до единого, были евреями, сказал Шмуль. Вот вам, возьмите на память, сказал Фредек и положил на стол горстку драгоценностей – из тех, что забрали из собиборской сортировочной.

Хозяин, Мартин Б., устроил в овине тайник. Вечером приносил им еду. Его неторопливые тяжелые шаги слышны были издалека. Посреди овина он останавливался, проверял, нет ли чужих, и подходил к укрытию. Разгребал солому и отгибал гвоздь; только он знал, какой гвоздь поддастся. Потом вынимал доску; только он знал, какая доска не прибита. Ставил на край большой чугунок. Кто-нибудь из ребят высовывал руку и затаскивал чугунок внутрь. Хозяин клал доску на место, загибал гвоздь и разравнивал солому. Сидели в темноте. Фредек со Шмулем разговаривали шепотом, а Тойвеле слушал. Тойвеле был маленький, рыжий

и конопатый. До войны он, правда, мазался кремом от веснушек фирмы “Халина”, который таскал у матери, но без толку. А эти двое были на два года старше, из больших городов, и веснушек у них не было. Особенно они любили говорить о том, какие купят себе после войны машины. Фредек собирался купить “панар”, а Шмуль – “бьюик”. Тойвеле впервые услышал эти названия. Встряв, сказал, что купит себе “опель”, такой, как был у капитана Линда. “Опель”, пренебрежительно засмеялись Шмуль и Фредек и стали вспоминать железнодорожные вокзалы. К некоторым вели длинные темные туннели: идешь, а над головой с грохотом проносится поезд. Ты когда-нибудь видел такой туннель? Тойвеле вынужден был признаться, что в Избице ни одного туннеля не было. Прошло полгода. Мартин Б. сказал им, что уже весна и что зацвела яблоня. Она росла рядом с тайником, возле овина. Много будет яблок, сказал Мартин Б. Спросил, откуда у них такие красивые джемперы и кожаная куртка. Из Собибора, из сортировочной. Одолжили ему куртку и джемпер. В воскресенье он надел то и другое и пошел в костел. В понедельник пришли несколько мужиков. Кричали: где тут у тебя евреи, мы тоже хотим кожаные куртки. Палками переворошили солому в овине, но ничего не нашли. Наверно, палки были коротковаты. Вы сами слышали, сказал вечером Мартин Б., уходите, я боюсь. Они попросили купить им оружие, тогда они уйдут в лес. Вас поймают, сказал он, спросят, откуда оружие, и вы меня выдадите. Мы вас не выдадим, купите. Выдадите наверняка, уходите, я боюсь.

Прошло несколько дней. Вечером они услышали, что хозяин отправляет детей ночевать к деду с бабкой и кличет в кухню собаку. Погодя он пришел в овин. Отогнул гвоздь, вытащил доску. Фредек высунулся за чугунком. Они увидели яркую вспышку и услышали треск. Фредек скорчился и стал перебирать ногами. Чьи-то руки оттащили его в сторону. Они увидели круглощекое лицо незнакомого парня и снова вспышку света. Тойвеле почувствовал укол в челюсть. Потрогал щеку, щека была мокрая. Его тоже оттащили чьи-то руки. Когда он открыл глаза, то, несмотря на темноту, увидел дядю Янкеля. Дядя сидел рядом с ним на соломе, худой, сутулясь, как всегда. Ага, подумал Тойвеле, я вижу дядю Янкеля. Когда умираешь, видишь свое детство, значит, сейчас я умираю. Знаешь, сказал дядя Янкель, у человека после смерти еще три дня растут волосы и ногти. Человек все слышит, только говорить не может. Я знаю, сказал Тойвеле, ты мне уже рассказывал. Я не живой, но пока еще слышу, и ногти у меня растут. Он слышал голоса и треск, два раза подряд. Добейте его, будет тут до утра стонать. Это говорила хозяйка, может быть, даже про него, про Тойвеле. Пожалуйста, не убивайте меня, я до конца жизни буду вам служить. Это говорил Шмуль. Но такой слуга никому не понадобился – снова раздался треск, и Шмуль замолчал. Уже коченеет. Это сказал Мартин Б. – наверняка про Тойвеле, потому что потрогал его руку. Есть! Голос был незнакомый, возможно, щекастого парня. Видно, он что-то нашел. Наверно, их мешочек с золотом, потому что все вдруг опрометью кинулись в кухню. Ты живой? Это был Шмуль. Нет, шепнул Тойвеле. Он хотел рассказать Шмулю про волосы и ногти, но тот пополз к двери. Тойвеле привстал на колени и пополз за ним. Шмуль свернул к деревьям. Тойвеле казалось, что он все еще следует за ним, но, когда очнулся, понял, что сидит под деревом на опушке леса. Встал и пошел.

8.

В тех краях протекала река Вепш.

Река делила мир на две части – хорошую и плохую. Плохая была справа, и там находилось Пшилесье. Слева от реки были хорошие деревни: Янов, Мхи и Остшица.

В хороших деревнях много кого спасли: Сташека Шмайзнера, портного Давида Беренда, шорника Стефана Акермана, торговцев мясом Хану и Шмуля, торговца зерном Гдаля из Пясков, владелицу ветряка Байлу Шарф и детей мельника Раба – Эстер и Иделе.

Детей мельника спас Стефан Марцынюк.

Двадцатью годами раньше он убежал из большевистской тюрьмы в глубине России; в Польше жил на чердаке еврейской мельницы. Будь у меня мешок муки, сказал, я бы испек хлеб, продал его и выручил пару грошей… Мельник дал ему мешок муки, и Марцынюк испек хлеб. Заработал пару грошей, а спустя несколько лет был уже одним из самых богатых хозяев в округе.

Мельник с женой погибли в гетто, их дочку Эстер отправили в Собибор. Накануне запланированного побега Эстер приснилась мать. Она вошла в барак и встала рядом с нарами. Утром мы убегаем, шепнула ей Эстер, ты про это слыхала? Мать кивнула. Мне страшно, пожаловалась Эстер. Я не знаю, куда идти, наверняка всех убьют… Идем со мной, сказала мать, взяла дочку за руку и повела к двери. Они вышли из барака и прошли через лагерные ворота. Никто не стрелял. Это же только сон, подумала Эстер. Завтра все будет наяву. Завтра будут стрелять и всех убьют… Они с матерью шли по полям и по лесу, пока не дошли до большого крестьянского подворья. Узнаёшь? – спросила мать. Эстер узнала: они стояли перед домом Стефана Марцынюка. Запомни, сказала мать. Сюда ты можешь прийти…

Назавтра они убежали. Через одиннадцать дней Эстер вместе со своим женихом добрались до деревни Янов и остановились перед домом, который она видела во сне.

Был вечер. Они не захотели будить хозяев, прокрались в овин и легли на солому. Вы кто? – услышали в темноте мужской голос, и чьи-то пальцы схватили Эстер за руку. Это я, твоя сестра, сказала Эстер, потому что узнала голос Иделе, своего старшего брата.

Это не мать, это Бог вас прислал, сказал Стефан Марцынюк, когда они рассказали ему про сон. Пока война не кончится, побудете у меня…

Тойвеле тоже попал к хорошим людям в хорошую деревню на левом берегу Вепша. Жил в Мхах у Франтишека Петли. Дядя Петли был лакеем у президента Мосцицкого[50]. В деревне объявили, что Тойвеле (то есть Томек) – родной сын этого лакея. Ребята на пастбище его зауважали, в особенности Кася Туронь, которая была выше всех ростом, потому что пошла в отца-кавалериста. Дети пасли коров. Их любимая игра называлась “Лови еврея”. Считалкой “эне-бене-раба” определяли, кто будет “евреем”, “еврей” убегал, остальные бросались вдогонку. Поймав, задавали вопросы: ты – *юде*[51]? убил Христа? пиф-паф!

Томека остановили в поле два немца. Он шел со Стефаном Акерманом, шорником, который прятался в Остшице. Один немец слез с велосипеда. Jude? Неподалеку сидели мальчишки с пастбища и Кася Туронь. Пан немец, крикнула Кася, это наш парень. А этот? Акермана Кася не знала. Вы что, пан немец, не знаете, что надо делать? Велите спустить штаны и пиф-паф. Акерман спустил штаны. Немец снял с плеча винтовку и протянул детям. Кто хочет сделать пиф-паф? Дети молчали. А ты? Хочешь сделать пиф-паф? Немец протянул винтовку Касе. Она замотала головой. Второй немец повел Акермана в лес. Послышался выстрел. Немец вернулся, оба сели на велосипеды и уехали. Ночью к Томеку пришел Акерман. Немец дал ему сигарету, выстрелил в воздух и велел убираться.

Утром на лугу Кася сказала: это я виновата, да? Кася была красивая. Может, не такая красивая, как Малка Лернер, зато глаза у нее были голубые. Придешь, Томек, к нам в сушильню? Когда стемнеет. Приходи, почитаешь мне. Томек удивился: я не умею читать в потемках. Сумеешь, сумеешь, сказала Кася. Читать он не смог, поэтому они легли на кучу табака. Табак очень хорошо пах. Кася все еще расстраивалась из-за Акермана, и Томек ее утешал. Потом ему стало не по себе, и Кася его утешала. Потом она вскрикнула: Томек, да

[50] *Игнаций Мосцицкий* (1867–1946) – государственный деятель, ученый-химик, президент Польши (1926–1939).

[51] Jude (*нем.*) – еврей.

ты же еврей! Он вскочил и застегнул штаны. Не бойся, я никому не скажу, торопливо прошептала Кася.

9.

Ромек, сын Франтишека Петли, – сапожник. Живет в Варшаве, в районе Нове-Място. Сидит за старой зингеровской машинкой и шьет голенища для сапог. Блатт и в этот раз его навестил. Выпили по рюмочке, закусили. Повспоминали Мхи, покойного Ромекова отца, евреев, Касю и еще эту, послевоенную, которая в Ташимехах жила, крохотуля, но какие глаза… ну и, конечно, не обошлось без пули в челюсти. Всё хранишь там? – спросил Ромек Петля. Храню, сказал Блатт. А помнишь, как я тебе таскал бинты и мазь? У немца взял. За два яйца. Специальную военную мазь для ран. Всё немец отдал за два яйца. Ромек Петля сложил аккуратной кучкой голенища с пришитыми стельками. Стельки были утепленные. Голенища – некрасивые. Для дешевых сапог, для бедных людей. Ромек Петля сказал, что спрос на них все растет, потому как бедных все больше. А что толку? – голенища только тоску наводят. Ромек Петля снова налил, но тоску это не разогнало. Наоборот. По каким-то причинам тоска прочно засела в обувных деталях – подошвах, стельках и голенищах. А почему, вообще-то, ты эту пулю не убираешь? – спросил Ромек Петля. Кто его знает, задумался Блатт. Я всё теряю. Если вытащу, потеряю, а так она сидит себе в челюсти, и я знаю, что она есть.

10.

Война закончилась. Уцелевшие избицкие евреи собрались в Люблине. Обсуждали: уезжать, не уезжать? Томек уехать не мог, потому что его сапоги остались в овине у Мартина Б. Так и ходил босиком. Война закончилась, а он босой. Дал какому-то мальчишке десять злотых. Пойди в Пшилесье, сказал, зайди в четвертый дом по правой стороне и спроси Мартина Б. Скажи, что Томек ждет сапоги в Малинеце у колодца. Скажи, сапоги Томековы остались в овине.

Он ждал у колодца. Был июль. Жарко. Пришел Мартин Б., тоже босой. В руках держал сапоги, начищенные до блеска. Это были сапоги Шмуля. Мартин Б. молча протянул их Томеку, повернулся и ушел. Томек взял сапоги и пошел. По-прежнему босиком. С сапогами Шмуля Вайцена в руках: правый сапог в правой руке, левый – в левой.

Томек поехал в Люблин. Встретился со Сташеком Шмайзнером, тем самым, которому Печёрский в лесу оставил единственную винтовку.

Отличные у тебя сапоги, сказал Сташек.

Томек рассказал ему про Фредека, Шмуля и Мартина Б.

Сташек остановил советский грузовик с капитаном. Дал капитану пол-литра. Поехали в Пшилесье. Мартина не застали. Молотить пошел, сказала жена. Ты его заменишь, Сташек кивком показал на дочку Мартина Б. Жена охнула. Побежала куда-то и принесла золото в горшке. Возьмите! Девушка уже стояла у стены. Она не виновата, крикнул Томек. А сестры мои были виноваты? – спросил Сташек. А мать была виновата? Жена Мартина Б. бухнулась перед Сташеком на колени. Он поднес к глазам фашистскую винтовку и прицелился в девушку. Томек снизу ударил его по руке. Жена Мартина Б. громко плакала. Дочка Мартина Б. стояла спокойно, прислонясь к стене. Смотрела в небо, будто хотела проследить за полетом пули.

11.

Томас Блатт оставил машину, не доезжая до деревни.

Мы шли по оврагу.

Справа через каждые пару сотен метров стояли дома. Если просить еду, то именно в таких домах, со знанием дела сказал Томас Блатт.

Слева тянулся лес. Если хотите исчезнуть, то именно в таком лесу.

Блатт полагал, что узнаёт деревья, из-за которых они увидели свет у Мартина Б. А также деревья, за которыми скрылся Шмуль Вайцен. Это был очевидный абсурд. Те деревья давным-давно срубили на дрова.

Он стал подсчитывать, сколько было выстрелов. Сначала один, в Фредека. Потом опять один, в него. Потом много – но сколько? четыре? три? Скажем, четыре, тогда всего шесть – два плюс четыре. А если выстрелов было пять? Тогда в общей сложности семь. Одновременно считал дома. Когда мы проходили мимо третьего дома, он заметно разволновался. Ага, повторял, сейчас будет четвертый.

С каждым годом следов убывало. Когда-то еще целы были стены, потом осталась только угловая часть овина (каким-то чудом “их” часть, где был тайник), потом фундамент, потом просто груда балок, досок, камней.

В этом году ничего уже не было. Ничего. Если не считать яблоньки с кривыми ревматическими ветвями. Томас Блатт даже засомневался: уж не ошибся ли он? Ходил, осматривался, по грудь в бурьяне. Вокруг нигде больше не было видно таких зарослей.

Пошли дальше. Увидели крестьянскую усадьбу. Во дворе стояла старая женщина. Я сказала, что собираю материал для книги. А о чем? О жизни. Ответ был весьма неопределенный, однако она пригласила нас в кухню. Оказалось, это родная сестра Зоси Б., жены Мартина. Блатт снова занялся арифметикой. Если она слышала выстрелы, то сколько? Она сразу поняла, о чем он. Сама не слышала, но Крыся Кохувна, которая у них спала, сказала: ночью у дяди Мартина стреляли. Ночью выстрел, пусть и далеко, а хорошо слыхать. Утром во всех домах знали: евреев поубивали. Трое их лежало, но… представляете?.. один воскрес и пошел. Никто не знает, где он.

У вас он, не выдержал Блатт, хотя перед тем, как войти, я попросила его помалкивать. У вас, в вашей кухне. Женщины явно не поверили. Хотите – проверьте. Вот она, пуля, вот здесь. Подходили по очереди: сестра Зоси Б., дочь сестры и невестка. Ой, пуля. Чувствуешь? Я чувствую. И вправду пуля. Обрадовались, бросились готовить бутерброды. Ну и вы живой! Берите, угощайтесь. А много этого золота вы им дали? Ого-го-го. Юзик-то наш в ихнем дворе кольцо нашел с сердечком, большое, на средний палец. Потерял, когда в армии служил. Говорила я ему: не бери, Юзик. А дочка обручальное кольцо потеряла, которое ей оставила на память еврейка из Малинеца. Пришла с ребенком, мы им дали молока, но к себе не взяли – побоялись. Девчушечка большая была, уже говорить умела. Что говорила-то? Мама, не плачь, говорила. Да вы угощайтесь… В Добрах в лесу прятались две еврейки. Люди им пряжу носили, чтоб вязали на спицах, кто-то донес, их забрали в участок, они там повесились. На дороге за поворотом еврейка лежала, красавица. Сперва одетая, потом кто-то взял платье. Народ ходил смотреть, какая красивая. А Мартин как в воду канул, вместе с женой и детьми. В тот самый день, когда из Люблина эти… милицейские… приехали. Лошади ржут, коровы мычат, рожь стоит неубранная, но никто не заходил, боялись; всё одичало. Может, Мартина и в живых давно нет? А может, он на это золото усадьбу купил? Шампиньоны в парниках выращивает? Вы-то его зачем ищете? Смогли бы сейчас убить? Не смог бы, сказал Блатт. Спросить чего хотите? Нет. Так зачем ищете? Чтобы на него посмотреть. Ничего больше не хочу, только посмотреть. Посмотреть? И охота вам?

12.

Еврейка с ребенком. Красивая еврейка. Две еврейки в Добрах. Фредек в овине. Шмуль в лесу… Томас Блатт опять принялся подсчитывать. Все они здесь – обвел рукой круг, – и ни одной могилы. Почему нет еврейских могил? Почему никто не скорбит?

Мы проехали Избицу, Красныстав и Лопенник. Солнце садилось. Все стало еще неприглядне, еще серее. Возможно, из-за душ умерших. Кружат тут, не хотят уходить, потому что никто о них не печалится, никто по ним не плачет. От неоплаканных душ такая серость.

Мужчина и женщина

1. После спектакля

Этой осенью[52] московский воздух был пропитан туманом и серостью. Уже которую неделю не уходил циклон. Бесконечно обсуждалось ТО СОБЫТИЕ: почему так случилось и почему именно с ними. Преобладало мнение, будто Господь покарал Россию за ее грехи. Не исключалось, что Ленин мог быть порождением сатаны. Подчеркивалась роль погоды. Тогдашняя погода была вроде нынешней: господствовал долгий, невыносимый, вгоняющий в депрессию циклон.

В годовщину ТОГО СОБЫТИЯ люди собрались перед зданием ЦК. Молились за душу царя, за Святую Русь, за тех, кто погиб, защищая царя и отечество, а также за тех, кто погиб в лагерях и в Афганистане.

Этой осенью люди всё чаще собирались вместе и молились всё горячей. В церквях происходили удивительные вещи. Певица, которая была секретарем парторганизации большого академического хора, во время богослужения в храме запела таким звучным, чистым и сильным голосом, каким раньше никогда не пела. Уверовав в Бога, она вышла из партии и крестилась. Подобные обращения были нередки. О том, как станут развиваться события дальше, гадали по звездам. Астрологи предсказывали, что зимой до трагедии не дойдет, но весной быть голоду и гражданской войне. Лозоходцы призывали избегать геопатогенных зон, усугубляющих страх и пожирающих энергию. Милиция напоминала гражданам, что, выходя на улицу, не следует надевать драгоценности. Общество “Память”[53] предупреждало евреев: пора убираться из России. Журналистке Алле Г., которая выступила свидетелем в суде над боевиками “Памяти”, ворвавшимися на собрание писателей, сообщили, что дни ее сочтены. “*Мы тебя убьем*[54], – заверил мужчина, притаившийся в подъезде. Он был молод, опрятно одет, вежлив. – Мы тебя убьем, – повторил он беззлобно. – От нас не уйдешь, не надейся”.

Этой осенью со стен московских домов осыпа́лась штукатурка, срывались балконы, от крыш к фундаменту поползли черные трещины. На Неглинной стену подперли сваей. Свая раскололась, ощетинилась щепками. На Кузнецком мосту один из домов огородили дощатым забором. Кто-то выломал доску, стало видно подвальное окно. Стекол не было. Окно заклеено газетой. В газете дыра. Во дворе дома, напротив Кремля, сушились одеяла. От одного был оторван кусок. Остаток колыхался на ветру, концы торчавших из него длинных спутанных ниток утопали в грязи. На каждой улице в деревянной будке с надписью “*Чистка обуви”* сидел человек, но обувь у прохожих была грязная. Возможно, потому, что на мостовых стояли лужи (лужи были, хотя дождей не было). Прохожие двигались неторопливо, будто не зная толком, куда идти. Иногда останавливались и через витринное стекло заглядывали в магазин. В центре купить можно было только две вещи: в уличном ларьке – баночку маринованного чеснока, в магазине – электрический дверной звонок. Люди заходили в магазин, разглядывали звонки, проверяли, действуют ли. С минуту прислушивались к резким протяжным звукам, словно раздумывая, не купить ли, а потом выходили на улицу и не спеша продолжали свой путь. Когда-то в застроенном домами XIX века центре Москвы,

[52] 1990 год. (*Прим. автора*.)

[53] Русская ультраправая антисемитская монархическая организация.

[54] Здесь и далее курсивом выделены слова и фразы, приведенные автором в русской транслитерации.

не лишенном сецессионного изящества, кипела жизнь. Этой осенью обрамление улиц производило впечатление декорации. Театральной, до мелочей продуманной, однако видели вы ее уже постфактум. После того, как погасили свет. После спектакля.

2. Он

Вдали от московского центра, у подножья лесистых Воробьевых гор, при царице Екатерине II для одного из ее фаворитов был построен летний дворец. После революции в нем разместили Институт химической физики, а во флигелях для прислуги поселились научные работники. Желтые стены, белые дорические колонны и обширный парк прекрасно сохранились. Не будь на двери объявления, гласившего, что к празднику Великой Октябрьской социалистической революции будут выдавать талоны на промтовары, усадьбу можно было бы принять за музей-заповедник XIX или даже XVIII века, олицетворение российскости, по которой этой осенью все сильно тосковали.

Проживавшая в доме с колоннами Сарра Соломоновна П., кандидат химических наук, по случаю праздника получила талон на пальто. Доцент, что жил на первом этаже, получил талон на утюг. Брат Сарры, профессор Лев Соломонович П., ничего не получил, потому что в его институте талонов на промтовары не выдавали. Правда, разыгрывали мясные консервы – на двадцать ученых приходилась одна банка, – но профессору консервов не досталось.

Сарра и Лев родом из Астрахани. Их дедушка был очень набожным, у него была длинная борода, он носил талес[55] и каждый день ходил в синагогу. Их дядья – люди прогрессивные – издавали меньшевистскую газету. Их не менее прогрессивный отец работал инженером в нефтяном флоте. Лев Соломонович П. окончил Ленинградский университет; его научным руководителем был академик Алексей Крылов, великий математик и кораблестроитель. Когда в 1937 году Льва Соломоновича арестовали (один из его коллег прилюдно назвал орган ЦК “Вопросы философии” говном, а Лев Соломонович – так значится в обвинительном заключении – с этой точкой зрения “молча солидаризовался”), Крылов направил Молотову длинное письмо, в котором характеризовал Льва Соломоновича П. как исключительно талантливого человека, мгновенно схватывающего суть сложнейших проблем. “Работая рядом, он заинтересовался морской историей – наиболее любопытным ее периодом <…>, когда Трафальгарским сражением больше чем на сто лет было упрочено морское могущество Англии, – писал в 1937 году академик. – Он поразил меня своей способностью быстро улавливать самое существенное в содержании такого обширного сочинения, как, например, двухтомное жизнеописание Нельсона”. “Если ваш ассистент окажется невиновен, – написал в ответ Молотов, – через неделю вы с ним будете пить чай с ромом у вас в кабинете”.

[55] *Талес,* или *талит* – молитвенное покрывало, которое надевают мужчины на утреннюю молитву, а неортодоксальные иудеи (мужчины и женщины) – по торжественным случаям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.